

ОЛЬГА БОГАТИКОВА

ТУМАНЪ

Ольга Богатикова

Туман.

«Автор»

2023

Богатикова О. Ю.

Туман. / О. Ю. Богатикова — «Автор», 2023

Из-за обилия озер и болот большую часть года замок Ацер укрыт дымкой тумана. Я приехала сюда поздней осенью, чтобы выполнить поручение брата и собрать материал для своей научной работы. Кто же мог подумать, что среди каменных стен и пыльных фолиантов оживут древние легенды, а хозяин старинной твердыни откроет мне путь в загадочный мир, который я всегда считала страшной сказкой?..

© Богатикова О. Ю., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	17
Глава 3	30
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Ольга Богатикова

Туман

Глава 1

Вечером туман захватил в плен всю округу. Он окутал улицы Бадена серым маревом, таким густым и плотным, что желтые огни фонарей казались в нем глазами ночных чудовищ. За городом дымка была гораздо прозрачнее и напоминала молочную вуаль, которую кто-то накинул на луга и петляющую между ними дорогу. Холмы тонули в тумане по самые макушки, и их можно было принять за силуэты сказочных великанов, тихо наблюдающих за смельчаками, рискнувшими выехать из Бадена в такую погоду.

Я смотрела в окошко такси и думала о том, что и туман, и холмы, и весь этот готический вечер очень органично сочетаются с конечной целью моей поездки.

– Долго ли еще ехать до замка? – спросила у водителя, долговязого молчаливого мужчины, не сказавшего и пары слов с того момента, как я села в его машину.

– Минут десять, – ответил таксист. – Только он, скорее всего, будет закрыт. После семи часов вечера туристов на его территорию не пускают.

– Я не турист. У меня в Ацере важное дело. Его хозяин в курсе, что я прибуду, поэтому пустит меня в любое время.

Мужчина равнодушно пожал плечами, и остаток пути мы провели в тишине.

Замок возник перед нами неожиданно. Когда автомобиль огибал очередной холм, он просто появился из-за поворота, окутанный туманом, как призрачной шалью. При виде его огромных башен, тонувших в темноте неба, мне стало слегка не по себе.

– Приехали.

Таксист остановил машину у высоких кованых ворот и вышел, чтобы достать из багажника сумку с моими вещами. Я выбралась на улицу вслед за ним. Сырой ноябрьский воздух ударил в лицо, пробрался в рукава куртки, и я мгновенно замерзла.

– Где же вход? – спросила, забирая у таксиста свой багаж.

– Здесь, – мужчина кивнул на закрытые ворота. – Разве вас не должны были встретить?

Вообще-то должны. По крайней мере, Алекс говорил, что хозяин Ацера будет на месте и выйдет сразу, как только я приеду.

Похоже, мне все-таки стоило взять у Алекса номер его телефона. Когда я сошла с поезда в Бадене, брат обещал сообщить господину Солусу, что я вот-вот прибуду в его родовое гнездо. Между тем, мой родственник ужасно рассеян, поэтому не удивлюсь, если он попросту забыл это сделать.

Стоило подумать, как где-то слева мелькнул желтый огонек, после чего раздался скрежет открывающейся металлической двери.

Я сунула в руку таксиста купюру и, перехватив поудобнее сумку, поспешила на звук. Похоже, владелец старинной твердыни меня все-таки ждал. Пройдя пару шагов вдоль каменной ограды, я нос к носу столкнулась с высоким мужчиной, вышедшим на дорогу из узкой неприметной калитки.

В первое мгновение показалось, что меня встречает древний старик – его взгляд был таким мудрым и усталым, будто принадлежал человеку, прожившему на свете не менее тысячи лет, и воочию видевшему все тайны мироздания. Впрочем, уже в следующую секунду стало понятно, что это всего лишь оптический эффект, возникший из-за света фонаря, который мужчина держал в руке.

– Здравствуйте! – радостно сказала ему я. – Как хорошо, что вы меня встретили! Я уж думала, мне придется бродить здесь до самого рассвета.

– Добрый вечер, – ответил тот. – С кем имею честь?..

– София Корлок, – представилась я. – Меня прислал Алекс Докер – архитектор, который интересовался старинными чертежами, что хранятся в вашем замке.

Мужчина удивленно приподнял бровь. Нет, стариком он определенно не был. На вид я дала бы ему не больше сорока лет.

– Приятно познакомиться, – сказал он. – Меня зовут Эдуард Солус. Прошу вас, проходите. И позвольте помочь с багажом.

Я отдала ему сумку. Солус посторонился, пропуская меня к калитке, а когда я ступила на широкие плиты, коими был выложен двор, быстро меня нагнал и зашагал рядом, освещая дорогу.

– Господин Докер предупреждал, что не сможет приехать в Ацер, и пришлет вместо себя родственника по фамилии Корлок, – произнес Солус. – Но я не ожидал, что родственник окажется родственницей.

– Это проблема?

– Что вы, ни в коей мере. Просто наши края имеют репутацию диких и суровых мест. Господину Докеру следовало дважды подумать, прежде чем отправлять сюда столь юное и прелестное создание.

– За прелестное создание спасибо, – улыбнулась я. – На самом деле я не такая уж юная, а путешествия в дикие суровые места являются частью моей работы.

– Вы тоже архитектор?

– Нет. Я филолог, занимаюсь сбором и публикацией старинных песен и легенд.

Мы миновали двор и очутились у ступеней центрального входа. Когда до крыльца оставалось не более метра, мой спутник свернул на узкую, едва заметную в темноте дорожку и повел меня к приоткрытой двери левого бокового крыла.

– Центральный вход – для туристов, – объяснил он. – А это крыло – жилое. Там для вас приготовлена комната. И ужин.

Мы вошли в небольшой уютный холл, поднялись по скрипучей лестнице на второй этаж и попали в длинный коридор со множеством деревянных дверей. Солус открыл одну из них, щелкнул выключателем.

– Это ваша спальня, – сказал мужчина. – Здесь есть уборная и умывальник. Душ – в конце коридора. На первом этаже справа от лестницы – столовая. Когда распакуете вещи, спускайтесь. Обсудим подробности нашего взаимодействия.

Когда за Эдуардом закрылась дверь, я внимательно огляделась по сторонам.

Что ж, теперь понятно, почему Алекс так долго и настойчиво добивался разрешения работать в этом замке. Если маленькая гостевая комната с ее серыми каменными стенами, восхитительным старинным камином и тяжелой дубовой кроватью выглядит столь атмосферно, как прекрасно должно быть в других помещениях этой готической твердыни!

Насколько я знаю, мой троюродный брат намеривался скопировать уникальные чертежи, которые хранятся в библиотеке Ацера. Эти бумаги являются государственной собственностью, поэтому Докеру пришлось здорово потрудиться, прежде чем он сумел получить согласие на их фотосъемку – сканирование сих листов в силу ряда причин оказалось невозможным.

Отъезд Алекса из родной столицы на другой конец страны с нетерпением ждала вся семья, ибо рассказами о замке и его сокровищах архитектор-энтузиаст вынес нам мозг. Каково же было разочарование родни, когда оказалось, что путешествие не состоится – накануне отбытия брат умудрился сломать себе ногу.

Идея отправить в Ацер меня пришла Алексу в голову сразу после того, как стало понятно, что перелом серьезный, и несчастной ноге предстоит пережить несколько операций. Вообще, у

брата была возможность отправить сюда кого-нибудь из своих коллег. Однако из опасения, что коллеги отобьют у него проект, из-за которого и затевалась сия авантюра, от этой возможности он отказался.

Моя же кандидатура была идеальной не только потому, что нас с братом связывают нежные родственные отношения. На момент злосчастной травмы я находилась всего в сотне километров от замка: у меня как раз начался очередной тур по восточным деревням – тем самым, в которых еще остались люди, способные пересказать пришлому филологу древние сказки и легенды.

Помнится, узнав, где именно я нахожусь, Алекс пришел в дикий восторг, а потом принялся жарко просить заскочить в Ацер, дабы сфотографировать пару архитектурных планов, которые для него подготовил Эдуард Солус.

На самом деле, уговаривать меня было не надо: Баден и его окрестности славились своими темными преданиями, а значит, могли добавить в мою собственную копилку немало интересного материала. Местность там действительно примечательная: густые леса, высокие холмы, холодные озера... И мрачные замки, в которых наверняка произошло немало таинственных событий. Конечно, толпы туристов давно растянули местных призраков на сувениры, однако среди здешних аборигенов наверняка есть те, кто наизусть помнит историю каждого из них...

Разбор багажа я решила оставить на завтра. А потому, вымыв руки и сменив ботинки на мягкие балетки, поспешила в столовую.

Солус уже ждал меня там. Жестом он пригласил меня занять место за столом, на котором стояла тарелка пшенной каши и чашка ароматного черного чая.

– А вы будете ужинать? – спросила я, когда мужчина уселся напротив.

– Я уже ел, – ответил он. – Поэтому просто составлю вам компанию. Приятного аппетита, госпожа Корлок.

– Благодарю.

Каша оказалась необыкновенной вкусной. Орудя ложкой, я время от времени поглядывала на хозяина Ацера. Сейчас, при свете больших электрических ламп, у меня появилась возможность рассмотреть его получше.

Эдуард Солус создавал впечатление строгого, но вполне себе приятного мужчины. У него были длинные черные волосы, собранные в хвост, большие карие глаза, высокий лоб с узкими нитями морщинок и тонкие губы такой удивительно правильной формы, будто над ними поработал резец искусного скульптора. В электрическом свете кожа Солуса казалась очень бледной, а безупречная осанка и плавные царственные движения выдавали в нем потомственного аристократа.

В какой-то момент мне подумалось, что этот человек гораздо органичнее смотрелся бы в черном камзоле, расшитом серебряными нитями, нежели в джинсах и обычной серой рубашке. Интересно, какой у него титул?..

– Сколько времени вы намерены провести в Ацере, госпожа Корлок?

– Думаю, около недели, – ответила я, отставив в сторону пустую тарелку, и принимаясь за чай.

– Так мало? – удивился Солус. – Ваш родственник собирался работать здесь полтора месяца.

– Я не могу задерживаться на такой большой срок, – покачала головой в ответ. – У меня есть свои дела, и надолго их откладывать нельзя.

– Господин Докер оплатил шестинедельное пребывание в замке, – заметил мужчина. – А также трехразовое питание и бессрочное посещение музейных залов. Если вы проведете тут всего семь дней, оставшиеся деньги просто пропадут – вернуть их будет невозможно.

Я развела руками.

– Что ж, пусть будет так. Я действительно не могу задержаться. Да и зачем? Что я буду делать тут столько времени? Алекс наверняка хотел не только скопировать ваши чертежи, но и подробно изучить кладку, башни и колонны. Мне же это не нужно. Я просто сфотографирую бумаги, а потом поговорю с местными жителями о здешнем фольклоре. Семи дней для этого будет вполне достаточно.

Точеные губы господина аристократа изогнулись в лукавой усмешке.

– Александр говорил, какой объем работы вас ждет? – поинтересовался он.

– Ну... Он сказал, что нужно снять копии со старинных бумаг. И что их немного – две или три.

– Их два или три десятка, госпожа Корлок, – улыбнулся Солус. – И все они большого формата. Сдается мне, ваша фотосессия окажется гораздо длиннее, чем вы думаете.

Я пожалала плечами. Обсуждать альбомы с архитектурными схемами у меня не было никакого желания. Чай был выпит, и теперь мне хотелось поскорее оказаться в кровати.

– Вы наверняка устали с дороги, – заметил Эдуард. – Я не стану надолго вас задерживать, лишь в двух словах расскажу о правилах поведения в этом замке. Сразу отмечу: вам разрешено свободно передвигаться по жилому крылу, а также по центральной части Ацера, где находится библиотека, и некоторым залам правого крыла – тем, куда водят туристов. При желании, можете присоединиться к любой экскурсионной группе и познакомиться со славной историей этого строения. Пытаться проникнуть в запертые помещения, спускаться в подвалы и подниматься на башни запрещено – некоторые комнаты находятся в ветхом состоянии, и есть риск, что вам на голову упадет потолок. В подвалах же очень легко заблудиться – они имеют длинную разветвленную сеть, отыскать там пропавшего человека будет непросто. Вы разумная девушка и наверняка знаете, как следует вести себя в музеях, однако я обязан напомнить, что в исторических залах Ацера категорически запрещено что-либо трогать. Не то чтобы я дорожил рухлядью, которая там хранится, однако господа из министерства культуры считают эти вазы и стулья национальным достоянием, а потому установили за их порчу серьезные штрафы.

– Штрафы? – удивилась я. – Национальное достояние? Разве экспонаты принадлежат не вам?

– Что вы, – улыбнулся Солус. – Раньше замок и его имущество действительно принадлежали моей семье, однако я передал их государству – шесть лет назад, когда вернулся из-за границы.

– Почему?

– Содержать древнюю твердыню очень дорого, госпожа Корлок. Эти стены то и дело норовят рассыпаться в прах. Знали бы вы, как трудно было привести в более-менее приемлемое состояние хотя бы одно крыло! Ацер категорически не хотел принимать ни канализацию, ни отопление. Зато теперь его реставрацию оплачивает госбюджет.

– А вы?..

– А я живу здесь на правах кастеляна. Слежу за порядком и ремонтами, принимаю заказы на экскурсии, встречаю гостей, нанимаю гидов. И даже получаю за это деньги, представляете? – он усмехнулся. – Мои досточтимые предки пришли бы в ужас: где это видано, чтобы барон Солус служил управляющим в собственном доме!

Значит, он барон. Здорово. С членами древних аристократических родов я знакомств еще не водила.

– Территория замка тоже в вашем распоряжении, госпожа Корлок. Она примыкает к перелеску, и я рекомендую заглядывать туда как можно реже. Поздней осенью в него могут забредать волки.

– Волки?!

– Да. В это время наши олени мигрируют в соседний регион, и хищники уходят вслед за ними. К человеческому жилью и шоссе дороге они не подходят, а среди деревьев с ними столкнуться вполне реально. Будьте осторожны.

– Я постараюсь.

– Теперь про распорядок дня. Завтракать, обедать и ужинать будете в этой столовой – в 7.30, 12.00 и 17.00 соответственно. Еду в Ацер доставляют из Бадена. При желании, можете готовить сама. Слева от столовой находится кухня. Пользуйтесь всем, что там найдете, в том числе кофемашиной. Если возникнут вопросы, обращайтесь. Постараюсь помочь по мере возможности. У вас есть мой телефон?

– Нет.

– Значит, завтра мы обменяемся номерами. Я не сижу на месте, поэтому будет лучше, если вы станете рассказывать мне о своих проблемах по вечерам. Днем я могу быть вне зоны доступа.

– Хорошо.

– В таком случае, доброй ночи, госпожа Корлок.

Несмотря на решение разобрать вещи при свете дня, по факту я занялась этим в первом часу ночи – сразу после того, как проснулась от жуткого холода.

После ужина я наскоро приняла душ и сразу же нырнула под одеяло. В сон провалилась моментально, однако спустя несколько часов обнаружила себя лежащей с открытыми глазами, дрожащей и клацающей зубами. Толстое шерстяное одеяло, которое мне выделили для ночевки, от холода совершенно не спасало, поэтому пришлось выбираться из постели, расстегивать сумку и натягивать на себя все теплые вещи, которые попались под руку – свитер, теплые носки и две пары носков.

Похоже, старый замок, привыкший, что на протяжении столетий его комнаты обогревали при помощи каминов, действительно не приемлет современное отопление. Или же это самое отопление было смонтировано настолько похабно, что толку от него почти не наблюдалось.

Интересно, как господин Солус может жить в такой морозилке? Не удивлюсь, если в его апартаментах находятся более серьезные радиаторы. Или привычка к холоду, исходящему от этих старых каменных стен, заложена у него на генном уровне.

Хорошо, что, отправляясь в поездку, я захватила с собой много теплых вещей, а то окочелела бы тут до смерти.

Согреться и уснуть мне удалось только к утру, поэтому в столовую я спустилась хмурая, не выспавшаяся и совершенно не понимающая, почему надо было устраивать завтрак в такую рань – почти за час до восхода солнца.

Хозяин Ацера снова явился к столу первым и выглядел так, будто спать вовсе не ложился. Он был одет в те же джинсы и тонкую серую рубашку (неужели ему в ней не холодно? Лично я дальше свитера раздеваться теперь не рискну), его волосы по-прежнему были стянуты в аккуратный хвост, даже складки на рукавах были точь-в-точь, как вчера. При этом мужчина казался таким отдохнувшим и полным сил, что я невольно ему позавидовала.

Глядя на его идеальную осанку и безупречный внешний вид, мне подумалось, что неплохо было бы явиться к трапезе не в джинсах и толстой шерстяной кофте, а в изящном платье и с тщательно уложенными волосами. Потом прикинула, как быстро мое платье в этом холодильнике покроется инеем, и решила, что кофта все-таки лучше.

На завтрак снова была каша, на этот раз овсяная с медом и кусочками фруктов. И я снова ела ее одна. Эдуард Солус, сообщивший, что уже съел свою порцию,пил кофе, причем настолько неторопливо, что у меня возникло впечатление, будто он просто вдыхает его аромат, не делая при этом ни глотка.

Когда с едой было покончено, мы обменялись номерами телефонов, после чего Солус предложил прогуляться до библиотеки.

– В коридорах Ацера легко заблудиться, госпожа Корлок, – сказал он. – Я покажу вам короткий путь.

Мы поднялись на второй этаж, прошли вдоль коридора, нырнули в узкую дверь, расположенную рядом с ванной комнатой, и очутились на широкой каменной лестнице. Судя по всему, сотню лет назад ею пользовались слуги, когда им требовалось максимально быстро попасть из одного крыла замка в другое. Мы снова поднялись по вверх, затем миновали пару широких коридоров и очутились возле высокой деревянной двери, украшенной причудливой резьбой.

– Пришли, – сказал Солус, открывая передо мной ее тяжелую створку. – Прошу вас, госпожа Корлок.

Переступила порог и ахнула. Подобное книгохранилище я видела лишь в историческом корпусе своего университета: огромный прямоугольный зал был по периметру уставлен массивными деревянными стеллажами, достигавшими потолка, а на его полках в несколько рядов стояли книги – огромные тома и маленькие тонкие брошюры. Между стеллажами обнаружилось два стрельчатых окна и потемневший камин, в котором сейчас уютно потрескивали дрова. Возле камина расположился длинный стол на затейливых ножках, а на нем двумя высокими башенками лежали папки и старинные альбомы в бархатных обложках.

– Это те самые чертежи, которые вам нужно сфотографировать, – сказал Эдуард. – Здесь все, что господин Докер запросил для своей работы.

Я подошла к башенкам ближе и нервно сглотнула.

Боже!.. Два-три десятка бумаг?.. Здесь два-три десятка папок! А в каждой из них целая куча макулатуры! Похоже, барон не шутил, когда говорил, что их фотосъемка затянется.

– Что ж, желаю вам удачи, – сказал Солус, стрелнув глазами в сторону посветлевших окон – на улице вот-вот должно было встать солнце.

Я в ответ только кивнула – эмоции, которые сейчас бушевали в груди, напрочь выбили из моей памяти все цензурные слова. Мужчина ободряюще улыбнулся и скрылся за дверью.

Я обошла стол кругом, открыла одну из папок и все-таки выругалась – громко и цветисто. Чертежей действительно было много, и все они оказались свернуты в несколько раз. Развернула тот, который лежал сверху, и выругалась снова – лист был размером аккурат со столешницу.

И как мне это фотографировать?! Ни камера смартфона, ни объектив моей любимой мыльницы целиком сие чудо не охватят.

У одного из стеллажей я заметила лестницу, очевидно предназначенную для того, чтобы доставать книги с верхних полок. Подкатила ее к камину, и, забравшись на верхнюю ступеньку, еще раз оглядела фронт своей работы. Что ж, особенно большие схемы можно снимать отсюда, причем, исключительно фотоаппаратом. Телефон эти громадины четко отснять не сможет.

Впрочем, совсем скоро выяснилось, что мыльнице охватить чертежи так, как надо, тоже не под силу – для этого нужна техника посерьезнее.

Глубоко вздохнув, я достала мобильник, чтобы позвонить Алексу и высказать ему все свои соображения по поводу предстоящей фотосъемки, а еще поинтересоваться, почему он не удосужился рассказать, насколько она объемная. Но и тут меня ждало разочарование – телефон, сносно ловивший сеть в спальне, в библиотеке работать отказался.

Дабы не терять времени, я решила отругать брата потом, а пока разобрать папки со схемами, чтобы определить, какими из них лучше заняться в первую очередь.

В течение следующих полутора часов я занималась тем, что просматривала чертежи и перекладывала их на стоявшие неподалеку стулья. Этот процесс несколько меня успокоил – отдельные листы оказались не так уж велики, а значит мороки с ними будет немного.

К тому времени, как из папок и альбомов были сформированы новые башенки (теперь их стало пять штук), я продрогла до самых костей. Батарей в библиотеке не наблюдалось (помнится, Солус говорил, что сумел приспособить к нормальной жизни лишь левое крыло), камину же для полноценного обогрева такого большого помещения требовался едва ли не целый день. Похоже, для работы в этом чудесном замке мне нужна более серьезная амуниция, нежели свитер и балетки.

Когда от холода стали неметь пальцы на руках и ногах, я решила сделать перерыв. Вернувшись в жилую часть замка (о благословенное тепло!), тщательно вымыла руки от библиотечной пыли и поспешила в кухню – туда, где стояла кофемашина.

В кухне мне понравилось. Там было уютно, да и техника у господина Солуса оказалась что надо. Судя по всему, и варочную поверхность, и духовой шкаф, и микроволновку, и кофеварку купили совсем недавно, а пользовались от силы пару раз – на них не было ни разводов от моющих средств, ни отпечатков пальцев, ни следов пригоревшей еды.

Кофе, к слову сказать, у барона тоже был отличным. Я пила его маленькими глотками, от души наслаждаясь дивным вкусом и ароматом. А потом еще несколько минут сидела, откинувшись на спинку стула, и грела пальцы о теплые бока фарфоровой чашки. Наверное, я бы тут и уснула – разомлев от тепла и тишины, однако из сонного оцепенения меня вывел звонок мобильного телефона.

Глянула на экран и встрепенулась – звонил любимый троюродный братец.

– Привет, Софи! – радостно гаркнул он, когда я сняла трубку. – Как устроилась на новом месте?

– Алекс, я тебя убью, – лениво сообщила ему, подавляя зевок.

– За что? – искренне удивился Докер. – Тебе не понравился Ацер?

– Понравился. Он внушительный и красивый. А еще в нем ужасно холодно.

– А что ты хотела, дорогая сестрица? – хохотнул брат. – Когда его строили, о батареях и обогревателях никто слухом не слыхивал. Одевайся теплее и не ворчи. Когда тебе еще доведется пожить в настоящем замке?

– Вот за это «пожить» я тебя и убью, – заметила я. – Знаешь, Ал, я рассчитывала погостить тут неделю, а сегодня увидела твои обожаемые чертежи и поняла, что за семь дней с ними не управлюсь. Почему ты не предупредил, что их будет так много?

– Потому что я этого не знал, – мне показалось, что Алекс пожал плечами. – Но ведь это хорошо, Софи! Чем больше бумаг, тем лучше.

– Кому лучше, Ал? Среди них есть схемы формата, похожего на А4, а есть огромные простыни с какими-то черточками и закорючками. Я понятия не имею, как их фотографировать!

– Представь, что это пазл. Мысленно дели полотно на части и снимай каждую в отдельности. Просто щелкай по порядку, а картинку из них я составлю сам. Не думаю, что это займет так уж много времени. Я ведь не прошу тебя перечерчивать их от руки.

– Хорошо, – согласилась я.

В самом деле, нажимать на кнопку фотоаппарата – дело не долгое. Главное поймать ритм, а там уж дело пойдет быстро.

– Вечером присылай отснятые схемы мне. Я буду их обрабатывать и подшивать к своему проекту.

– Каким образом присылать? Голубиной почтой, что ли?

– Почему голубиной? Электронной.

– Это будет непросто. В Ацере нет интернета.

– Как нет?!

– А так. Я это еще вчера выяснила.

– А на улице? Может, ты поймаешь хотя бы мобильную сеть?

– Может, и поймаю, но вряд ли от нее будет толк. Замок окружают лес и озера, с благами цивилизации тут не очень. Возможно, раз в несколько дней я смогу выбираться в город. Там-то интернет должен быть.

– Раз в несколько дней – это долго, Софи. Попробуй все-таки отправить мне сегодня хотя бы пару фото. Вдруг получится?

– Ладно, – я потянулась и встала со стула. – Кстати. Как твоя нога?

– Так себе, – отмахнулся брат. – Не думай об этом, ладно? Лучше отправляйся копировать документы. Чем быстрее ты это сделаешь, тем скорее мы сможем увидеться. А там я уж расскажу тебе о чем захочешь.

Обедала я сегодня в одиночестве. Когда вернулась из библиотеки, в столовой меня ждала тарелка с супом, блюдо с рисом и курицей и чашка травяного чая с булочкой. Со стороны казалось, что еды много, однако я проглотила ее в один момент – после нескольких часов механической однообразной работы я чувствовала себя так, будто полдня рубила тупым топором вековой осенний лес.

Холодно мне уже не было – спасибо шерстяным носкам и уличным ботинкам, на которые я сменила свои легкие тапочки. В самой библиотеке тоже стало гораздо теплее, и это придало мне энтузиазма.

До обеда я сумела скопировать всего одну папку с чертежами и теперь спешила продолжить начатое – хотелось разобрать еще пару альбомов до того, как начнет темнеть. Вряд ли в центральной части замка есть нормальное электричество, а работать при свете свечей как-то не улыбалось.

Когда Ацер накрыли сумерки, я вернулась в свою спальню, перенесла снимки с фотоаппарата в ноутбук, а потом накинула куртку, захватила телефон и отправилась на улицу – ловить интернет. Поймала за воротами, аккурат на том самом месте, где вчера вечером меня высадил таксист.

То, что использовать в этой глуши телефон в качестве модема было плохой идеей, я знала с самого начала, а в течение следующего часа убедилась в этом окончательно. Фотографии отправляться к Алексу не хотели – ни вместе, ни по одной. Скорости Сети едва хватало, чтобы просто открыть электронный ящик, а уж на то, чтобы отправить письмо с вложением, пусть даже самым минимальным, тямю не было вовсе. Спустя десять минут мучений мне таки удалось переслать брату пару фото, после чего Сеть пропала и появилась только через четверть часа.

Я смотрела, как компьютер грузит в почту снимки, и четко ощущала черную дыру, которая с космической скоростью затягивала в себя мое терпение. Когда же к Докеру отправилась следующая партия фото, мое душевное состояние было таково, что, если бы в этот момент из-за деревьев вышел волк, я задушила бы его голыми руками.

Когда интернет снова исчез, я решила, что мучений на сегодня хватит, закрыла ноутбук и поспешила обратно – вот-вот должно было настать время ужина. Однако стоило вернуться в замковый двор, как ожил мобильный телефон – Алекс просмотрел присланные снимки и теперь спешил сообщить, что они его совершенно не устраивают.

– Изображения слишком мутные, Софи, – заявил он. – Через этот расфокус невозможно продраться. Чертежи надо сфотографировать заново.

Я представила, как папки с отснятыми схемами возвращаются в общую кучу, и взорвалась. Размазывая на ветру сопли и брызжа слюной, подробно рассказала брату, где видела его треклятую архитектуру, а также о том, каким карам небесным подвергну его самого, если при-

дется задержаться в Ацере дольше положенного срока. Впрочем, мои обещания пропали втуне – когда я отняла смартфон от уха, выяснилось, что он мертв, как кирпич: батарея разрядилась, и Алекс не слышал из пламенной речи ни слова.

Это почему-то показалось мне таким обидным, что захотелось топнуть ногой и громко разреваться. Однако вместо этого я тщательно вытерла нос платком, сунула ноутбук подмышку и потопала в замок – ужинать.

Еда снова ждала меня на столе, а хозяин Ацера – в кресле напротив.

– Вы чем-то расстроены, госпожа Корлок? – спросил он, когда я вошла в столовую.

– Ерунда, – махнула рукой, принимаясь за очередную порцию пшенки. – Работа, на которую я убила весь день, оказалась напрасной, и теперь мне придется начинать ее заново.

– Да, это досадно, – кивнул Эдуард.

Судя по всему, есть он не собирался. Наверное, снова поужинал раньше меня.

– Еще я жутко замерзла и весь день ходила по библиотеке в ботинках, шарфе и митенках. Учитывая, что в моей комнате не намного теплее, снимать их нет никакого смысла, придется спать прямо так. И да – похоже, я задержусь в вашем доме, господин Солус. За неделю с поручением брата однозначно не справиться.

– Неужели это так плохо? – удивился барон. – Вам не нравится Ацер, госпожа Корлок?

– Нравится, – улыбнулась я. – Очень нравится. Но мне нужно сделать и свою собственную работу. Если я буду безвылазно сидеть в вашей библиотеке, то не смогу собрать достаточного количества материала для сборника сказаний и легенд, и мое руководство решит, что я зря потратила командировочное время. Это чревато большими неприятностями, господин Солус. В середине декабря я должна предоставить редактору обработанные тексты, а у меня их слишком мало.

На губах Солуса мелькнула улыбка.

– Госпожа Корлок... Могу я называть вас Софией?

– Да, конечно.

– София, вы напрасно расстраиваетесь. Эта проблема вполне решаема. Видите ли, в моей библиотеке хранится интересная рукописная книга со старинными сказками. Мне кажется, она пригодилась бы в вашей работе. Ее составила моя... дальняя родственница, что жила здесь пару столетий назад. Она записала истории, которые ей рассказывала няня. Я могу дать вам их прочесть или даже скопировать. Что скажете?

– Господин Солус!..

– Зовите меня Эдуардом, София.

– Эдуард, вы спасаете мне жизнь и карьеру!

– Так уж и спасаю, – усмехнулся барон. – Если все-таки решите задержаться в замке не на одну, а хотя бы на три недели, у вас наверняка появится время на общение с жителями окрестных деревень. Лично я рекомендовал бы начать с Хоски – это небольшой поселок в пригороде Бадена, он издавна славится своими традициями и народными праздниками. А где традиции, там и легенды, верно? Завтра в Ацере закончится ремонт центрального холла, и сюда снова будут возить туристов. Их экскурсовод родом как раз из этого поселка, думаю, она сможет посоветовать, с кем побеседовать в первую очередь.

Я смотрела на него во все глаза.

– Что до холода, то в этом вопросе я вам особо не помогу, – продолжал Солус. – Левое крыло Ацера обогревает котел. Я могу прибавить ему мощности, но в вашей спальне станет не намного теплее. Замок старый, с его сквозняками бороться бесполезно. Библиотека же обогревается только камином. Его давно не топили, поэтому нужно время, чтобы он полноценно прогрел помещение. Уверяю вас, завтра там будет гораздо комфортнее, чем сейчас.

– Как же вы постоянно живете в таком холоде?

Он пожал плечами.

– Привык. Я его не замечаю, София.

Да-да, так я и поверила. Помнится, была у моих родителей знакомая семейная пара, которая купила большой красивый особняк. Эти люди очень радовались своей покупке – до тех пор, пока им не прислали счет за коммунальные услуги. Оказалось, что содержать дом – удовольствие дорогое, поэтому было решено перейти в режим жесткой экономии. Когда настала зима, температура воздуха в их гостиной едва достигала восемнадцати градусов. Супруги не скрывали, что нарочно поставили свою систему отопления на минимум, но при этом уверяли, что их это вполне устраивает. И встречали гостей в теплых штанах и меховых жилетах.

Господин Солус меховых жилетов не носит, однако я сомневаюсь, что к сквознякам Ацера в принципе можно привыкнуть. Особенно если ты не покойник и не привидение.

– Кстати, София, – на лице Эдуарда снова появилась улыбка. – Возвращаясь к теме фольклора: я ведь тоже уроженец этих мест и тоже знаю парочку старых историй. Если хотите, я могу рассказать одну из них. Чтобы вы не думали, будто этот день прошел зря.

– Конечно, хочу! – обрадовалась я. – Вы не будете против, если я запишу вашу сказку на диктофон?

– Не буду. Предлагаю перейти в гостиную. Там разговаривать гораздо удобнее.

Гостиная находилась слева от лестницы, и там действительно было здорово. В комнате царил полумрак, однако я сумела разглядеть узкий изящный шкафчик с книгами, две большие вазы, напольные часы, диван с пушистым ковром и очередной камин, возле которого стояли два мягких кресла. В камине потрескивали дрова, и плясавшее на них пламя было единственным источником света – мягкого и очень уютного.

– О чем же будет ваша история, Эдуард? – спросила я, когда мы уселись в кресла, а диктофон начал отсчитывать секунды аудиозаписи.

– О страшных и загадочных существах, конечно, – усмехнулся он. – В наших суровых краях все сказки именно о них. Старожилы рассказывают, что несколько столетий назад, Ацер принадлежал некому барону – строгому, но честному и справедливому человеку. У барона было трое детей – два сына и дочь. Старший сын, наследник замка и большей части его земель, был своенравным, строптивым юношей. Ему не хотелось жить в провинции. Он окончил университет, мечтал заниматься наукой и считал, что теряет в Ацере драгоценное время. Средний сын барона готовился к поступлению в военную академию, а младшая дочь была еще совсем ребенком.

Однажды, незадолго до Нового года в Бадене проходила большая ярмарка с выступлением бродячих артистов и кулачными боями. Юной баронессе очень хотелось на них посмотреть, и она упростила братьев сопроводить ее на представление.

Они пробыли на ярмарке весь день. Посмотрели спектакль, прокатились на карусели, купили сестре кучу сладостей и игрушек. А когда стало вечереть, отправились в один из местных трактиров, дабы перекусить перед обратной дорогой. В трактире к ним подсел незнакомый господин, который сказал, что является путешественником и попросил молодых людей рассказать ему о городе и его окрестностях. Незнакомец был отличным собеседником, и братья проговорили с ним более часа.

Во время разговора наследник Ацера посетовал, что в жизнь в здешних краях скучна и однообразна. «Иногда мне кажется, что мы, словно мухи, застряли в вязком киселе, – сказал он. – Не успеешь оглянуться, как станешь древним старцем, который видел только коров да овец, и уже ни к чему не способен». Тогда путешественник сообщил, что знает верное средство, которое поможет забыть о течении времени. «Благодаря ему вы перестанете считать годы и сокрушаться над бесцельно прожитыми днями, – заметил он. – И дней, и лет в вашей жизни будет столько, что вы сможете потратить их на любые цели, не думая о болезнях и старости. Если хотите, я могу вам его показать. Причем, прямо сейчас».

Юноша согласился. Незнакомец встал и велел ему следовать за собой, а остальным – ждать их за столом. Однако ни путешественник, ни молодой барон за стол больше не вернулись. Когда, спустя полчаса, брат и сестра отправились на их поиски, оказалось, что молодой человек, бездыханный и бледный, как бумага, лежит в сугробе на заднем дворе, а незнакомец куда-то исчез. Юношу немедленно отвезли к лекарю, но тот только покачал головой – наследник Ацера был мертв.

Когда старый барон узнал о смерти сына, он пришел в ужас. Старик не понимал, за что убили его ребенка – у наследника не было врагов, а вещи и деньги, которые он взял с собой на ярмарку, оказались не тронутыми... Какова же была радость несчастного семейства, когда за день до похорон юноша внезапно пришел в себя. Лекарь ошибся, молодой барон не умер, а отчего-то впал в летаргический сон и проспал почти двое суток. При этом он не помнил ни странного путешественника, ни причины, по которой оказался на заднем дворе трактира.

Между тем, приключение в Бадене не прошло для него даром. После своего чудесного пробуждения барон стал другим. Он сделался угрюмым, замкнулся в себе, перестал общаться с родными. А спустя несколько дней в замке вспыхнула эпидемия.

Сначала заболела одна из служанок – крепкая молодая женщина. Она начала бледнеть, жаловаться на слабость и головокружение, а потом легла спать и не проснулась. Через неделю такой же недуг поразил младшую кухарку и горничную юной баронессы. Баденский лекарь был в замешательстве: в течение двух недель в Ацере умерли три совершенно здоровых человека. При этом он не понимал, что послужило тому причиной. Но прошло еще несколько дней, и признаки неизвестной болезни появились у кучера и лакеев молодых господ. По округе поползли ужасные слухи: люди шептались, что к смерти слуг причастен старший сын барона. Вроде бы его видели выходящим из каморки умершей кухарки – как раз в ту ночь, когда несчастная скончалась. А потом – из комнатки, что делили оба лакея, тоже ночью, и тоже накануне их смерти.

Не успел старый барон пригрозить сплетникам расправой, как Ацер потрясло новое несчастье – в иной мир отправилась юная баронесса. Девочку нашли мертвой в кресле у камина. Она тоже умерла во сне.

Из замка стали массово увольняться слуги, а эпидемия перекинулась на близлежащие села – там стали погибать подростки и молоденькие девушки. Люди в голос говорили о вампире, который скрывается в замке и безнаказанно пьет человеческую кровь.

В какой-то момент крестьяне не выдержали и, взяв вилы и топоры, отправились Ацер, чтобы найти страшного кровопийцу и прекратить творящийся беспредел. Однако ворвавшись в замок, люди увидели, что он пуст. Тщательно обыскав каждую комнату, они смогли обнаружить лишь тело его владельца. Старый барон лежал в своей спальне, и, судя по внешнему виду, был мертв уже несколько дней. Его сыновей найти не удалось. Крестьяне тщательно обыскали задний двор Ацера, все хозяйственные постройки и даже семейную усыпальницу, но молодых баронов нигде не было. Тогда, разозлившись, они подожгли замок.

Он пылал двое суток, пока пламя не потушил сильный снегопад. Эпидемия после этого сошла на нет, и деревенская молодежь без причины больше не умирала. Однако, местные жители, памятуя об этой истории, начали украшать свои двери и окна вязанками чеснока и чертополоха – чтобы ни один вампир не смог проникнуть в их жилища.

Эдуард замолчал. Несколько секунд мы провели в тишине: он смотрел на огонь, а я смотрела на него – едва дыша от восторга.

– Как вам история? – спросил, наконец, Солус. – Годится для научной работы?

– Вполне, – с чувством ответила я. – Она ведь сравнительно новая, верно? Вы сказали, что она проявилась около двухсот лет назад. Скорее всего, на создание этой сказки людей вдохновили реальные события. Если хорошо поискать, о них наверняка можно найти какое-нибудь упоминание в хрониках.

– Ничего искать не надо, – хмыкнул Эдуард. – Я могу рассказать вам их прямо сейчас. Не трудно догадаться, что в сказке идет речь о членах моей семьи. Так вот, двести лет назад в Ацере действительно жил один из баронов Солусов, у которого было трое детей – два сына и дочь. Его старший сын окончил университет, после чего приехал в родной замок, но быстро заскучал и вернулся в столицу. Почти сразу после его отъезда здесь началась эпидемия холеры, выкосившая половину Бадена. Обитателей замка она тоже затронула – от этой болезни умер и барон, и его жена, и двое младших детей. Старшему сыну очень повезло – покинув отчий дом, он единственный из всей семьи остался жив.

– Как интересно, – тихо пробормотала я.

– Не то слово, – согласился Эдуард. – Я рассказал вам адаптированную версию легенды, а вообще у нее есть куча вариантов. В Хоске, например, вам скажут, что странный путешественник на самом деле был дьяволом в человеческом облики. А в соседней деревне будут уверять, что вампирами стали все члены дворянского семейства. И потом долгие годы сосали кровь у несчастных крестьян.

Я хихикнула. Солус улыбнулся.

– Между тем, уже поздно, София. Пора спать.

– Спасибо за историю, Эдуард.

– Всегда пожалуйста. Обращайтесь.

...Из гостиной я заскочила в спальню за халатом, а потом отправилась в душ. Там, включив воду погорячее, долго стояла под тугими струями, думая о том, как много интересного может рассказать хозяин этой старинной твердыни. А еще о том, как не хочется возвращаться в холодную комнату и дрожать на ледяных простынях.

Когда же я все-таки вошла в спальню, оказалось, что в ней неожиданно стало теплее. А на кровати обнаружилось еще одно шерстяное одеяло.

Глава 2

В этот раз на завтрак я опоздала. Перед сном решила добавить сказку Эдуарда Солуса в свой черновик и засиделась до поздней ночи. В столовую спустилась в восемь часов, однако барона там уже не было. Вместо него меня ждали картофельный суп, чашка чая с бутербродом и листок бумаги, на котором красивым каллиграфическим почерком было написано, что хозяин замка отправился в библиотеку и приглашает меня к нему присоединиться.

Ела я так быстро, как только могла – не хорошо заставляя себя ждать занятого человека. Тем более такого доброго и гостеприимного.

Вообще, гостеприимство Эдуарда меня приятно удивило. Признаюсь честно: во время своего путешествия в Ацер я представляла господина Солуса холодным высокомерным типом, который привык отдавать распоряжения и смотреть на всех свысока. По крайней мере, именно так в моем представлении должен был выглядеть потомственный аристократ, проживающий в большом старинном доме. На поверку же оказалось, что аристократизм – это не финансовое положение и не генеалогическое древо, а прекрасное воспитание и безупречные манеры. Если у человека с этим проблемы, то никакой он не аристократ, даже если ему принадлежит половина государства, а предки известны со времен древних королей.

Я нахожусь в Ацере всего пару дней, однако меня не покидает ощущение, что его главной достопримечательностью являются вовсе не стены и не старинные интерьеры, а Эдуард Солус – мужчина с манерами и воспитанием лорда позапрошлого столетия. Он вежлив, деликатен, ненавязчив, предупредителен. Общаюсь с ним, невольно хочется быть леди – обаятельной, нежной и, по возможности, психически уравновешенной.

Покончив с завтраком, я отнесла грязную посуду в кухню и поспешила в библиотеку.

Сегодня здесь действительно было теплее и уютнее, чем вчера. Жарко горел камин, мягко светили две переносные напольные лампы. Наличие последних очень порадовало – в ноябре светает поздно, а значит, мне не придется, как прошлым утром, раскладывать чертежи в полумраке.

Эдуард Солус ждал меня в кресле у стола. Когда же я появилась на пороге, он встал и вежливо кивнул.

– Доброе утро, София.

– Доброе, – улыбнулась я.

– Как вам спалось?

– Замечательно. Спасибо за одеяло, сегодня мне было тепло.

Он улыбнулся в ответ.

– Я нашел книгу, о которой говорил вчера. Надеюсь, она будет вам полезной.

Эдуард подошел ближе и протянул мне старый блокнот в мягкой матерчатой обложке. В таких книжечках несколько веков назад образованные люди вели личные дневники. Ее состояние было прекрасным – очевидно, книгу бережно хранили на протяжении всех этих лет.

На первой странице блокнота аккуратными округлыми буквами было написано «Сказки нянюшки Матильды. Записаны с ее слов баронессой Аннабель Солус». Я перевернула несколько листов. Тонкие и желтые, они оказались сплошь покрыты убористыми кривоватыми строчками. Чернила на них поблекли, однако текст был хорошо виден и вполне читабелен.

– Какой интересный почерк, – заметила я. – Создается впечатление, что эти сказки записывал ребенок.

– Так есть, – ответил Эдуард. – Аннабель работала над ними, когда ей было двенадцать лет.

– В самом деле? – удивилась я. – Надо же! Обычно дети легкомысленно относятся к историям своих воспитателей. В первый раз слышу о ребенке, который решил составить из них сборник. Наверное, повзрослев, эта девочка стала очень умной и начитанной дамой.

– Эта девочка не повзрослела. Она умерла через семь месяцев после того, как записала последнюю сказку. Аннабель – та самая юная баронесса, о которой я рассказывал вам вчера вечером. Она скончалась от холеры вместе со своими родителями и средним братом.

Взгляд Эдуарда погрузнел.

– Ана была чудесным ребенком, добрым и светлым. Ее считали маленьким ангелом, которого Бог послал Солусам на старости лет. Она все делала очень старательно, а эти истории писала так, будто они дело всей ее жизни. Знаете, София, ее записи еще не видел ни один филолог. Судя по всему, Аннабель трудилась именно для вас.

Я невольно погладила шероховатую обложку старинного блокнота.

– Вы очень хорошо знаете историю своей семьи, – заметила ему. – Кажется, что вы лично были знакомы с девочкой и наблюдали за тем, как она работала.

Солус пожал плечами.

– От моих предков осталось немало личных дневников, писем и доходных книг. Если внимательно их изучить, можно составить неплохое впечатление о том, как они жили, чем занимались и с какими чувствами относились друг к другу. История своей семьи всегда очень интересна, София. Поэтому – да, я знаю ее хорошо.

– Это замечательно, – улыбнулась я. – Немногие могут похвастаться тем, что помнят имена родственников хотя бы до четвертого колена. Вы же можете не только рассказать своим детям об их предках, но и научить их гордиться ими.

– Это вряд ли, – покачал головой Эдуард. – У меня нет детей и, скорее всего, не будет. Что ж. Не смею вас больше отвлекать, София. Работайте, библиотека в полном вашем распоряжении. Сегодня мне нужно отлучиться – я уеду по делам в Баден, поэтому обедать вы снова будете в одиночестве.

– Хорошо, – кивнула я.

– В таком случае, до вечера, София.

– До вечера, Эдуард.

Он скрылся за дверью, а я с тяжелым вздохом отложила книгу Аннабель Солус в сторону и приступила к съемке чертежей. Вчера перед сном я решила, что первую половину дня буду посвящать заданию Алекса, а вторую – своим собственным делам.

Учитывая, что весь мой вчерашний труд оказался напрасным, в этот раз к фотографированию пришлось подойти более серьезно – несколько раз перепроверять каждый снимок на четкость и на всякий случай делать дубликаты. Сосредоточиться на архитектурных планах было непросто, ибо и мысли, и взгляд то и дело возвращались к сборнику сказок маленькой баронессы.

Получить в свое распоряжение подобный дневник – большая удача, даже если он содержит в себе истории про зайчиков и лисичек категории 0+. Юную собирательницу фольклора можно вынести в отдельную главу или посвятить ей целый раздел – если Эдуард согласится рассказать о девочке что-нибудь еще.

Ближе к одиннадцати часам я оставила чертежи и отправилась пить кофе – не столько для того, чтобы испортить перед обедом аппетит, сколько за тем, чтобы позвонить брату. Ругаться с ним уже не хотелось, за ночь я успокоилась и накидала примерный план работы с его бумагами. Но отдельные вопросы все-таки требовалось прояснить.

Так, дозвонившись, я заявила Алексу, что больше не намерена ходить вокруг замка кругами в поисках Интернета, а потому буду присылать ему фото один-два раза в неделю – из Бадена. Кроме того, потребовала, чтобы брат время от времени пополнял счет моего мобильного телефона – переговоры с ним стоили денег, а оплатить сотовую связь в Ацере попросту

невозможно. Судя по всему, часть вдохновенной речи, которую я толкала вчера вечером на холодном ветру, Докер все-таки услышал, ибо на все мои требования согласился без возражений.

– Алекс, ты знаешь что-нибудь об Эдуарде Солусе? – спросила я после того, как мы обсудили последний организационный вопрос.

– Что-то знаю, – ответил брат. – Правда, не много. Когда я собирался в Ацер, навел о нем кое-какие справки. А почему ты спрашиваешь?

– Да так. Интересно, что он за человек.

– Солус к тебе пристает?

– Боже сохрани, Алекс! Эдуард ведет себя прилично. Более того, мы видимся только утром и вечером – днем барон занимается своими делами, а я сижу в библиотеке. Знаешь, в нем есть что-то, что цепляет взгляд. Солус какой-то... странный. Нет, не так. Скорее необычный. Загадочный. Он вежлив и деликатен, но при этом держится с таким достоинством, что в его присутствии хочется сделать реверанс и спрятаться за веером из страусиных перьев.

– Вот загнула! – усмехнулся Алекс. – Впрочем, я тебя понимаю. В наше время встреча с воспитанным человеком действительно может вызвать культурный шок.

– Очень смешно, – фыркнула в ответ. – Я, между прочим, не шучу. Эдуард правда необычен и отличается от всех моих знакомых мужчин.

– Прими мои соболезнования, Софи. Похоже, ты всю жизнь общалась с неотесанными грубиянами. А если серьезно, Солус – аристократ Бог знает в каком поколении. Утонченность и умение держаться с достоинством у него в крови.

– Он живет в жутком захолустье, Ал. Трудно оставаться утонченным, когда тебя окружают волки, лес и туман.

– Согласен. Вот только в захолустье Солус находится не очень-то давно. Большую часть своей жизни он провел за границей. Профессор, который свел меня с нашим бароном, говорил, что этот парень долгое время занимался разработками в области машиностроения. Вроде бы его интересовали скоростные поезда. Если порыться в Интернете, можно найти пару интервью, в которых он рассуждает, какие двигатели лучше, и что придет на смену составам на магнитной подушке. Забавно, да?

– Не то слово, – удивилась я. – Особенно если учесть, что сейчас этот мужчина – управляющий большим старинным музеем. Наверное, в его жизни случилось какое-то серьезное событие, раз он оставил поезда и вернулся в Ацер. Как думаешь, Солус женат?

– Тебе-то какая разница, Софи? – хохотнул брат. – Признайся, Эдуард тебе понравился?

– Алекс, я познакомилась с ним два дня назад. Мне просто любопытно.

– Я про его личную жизнь ничего не знаю. Но могу предположить, что если рядом с ним не ошивается какая-нибудь высокородная леди, то господин аристократ холост. Если любопытно, поинтересуйся у него сама. Но сначала закончи с чертежами, ладно?

Я закатила глаза и, буркнув, что сделаю все в лучшем виде, положила трубку.

Залпом допила остывший кофе, ополоснула чашку и уже собралась отправиться обратно в библиотеку, как вдруг услышала из прихожей скрип открывающейся двери. Поспешила на звук и едва не столкнулась на пороге кухни с незнакомой коренастой женщиной средних лет. Она была одета в толстую матерчатую куртку, поверх которой был накинут красный жилет с надписью «Орион», и держала в руках большую прямоугольную сумку.

– Здравствуйте, – сказала я ей. – Вы пришли к господину Солусу?

– Добрый день, – кивнула женщина. – Я пришла сделать уборку, а заодно принесла вам обед. Вы – София Корлок?

– Да.

– А я – Аника Мун, здешняя приходящая горничная. Будем знакомы.

– Очень приятно.

– Хорошо, что я вас застала, – продолжила женщина, проходя в кухню. – Уж больно хотелось на гостью посмотреть. Как вам живется в этакой холодине?

– Если честно, не очень, – призналась я. – Но я уже начинаю привыкать.

– К местным сквознякам привыкнуть не возможно, – твердо заявила Аника, выставляя из сумки на стол судки, обмотанные фольгой. – Поживете тут неделю и, как пить дать, схватите пневмонию. Переезжайте лучше к нам. Мой супруг держит в Бадене гостиницу «Орион», – она гордо ткнула пальцем в свой жилет. – Там тепло, уютно, имеется хороший ресторан. До замка четыре раза в день ходит автобус. Будете приезжать в Ацер, как королева.

– Нет, спасибо, – улыбнулась я. – Мне удобнее находиться здесь. Так значит, это вы кормили меня теми вкуснейшими кашами?

– Да, – она заулыбалась в ответ. – Мы с сыном по очереди возим сюда еду. А я еще дважды в неделю делаю здесь влажную уборку.

– Понятно. Чем же вы побалуете меня сегодня?

– Сегодня в меню жаркое по-домашнему, капустный салат и чай с яблочным пирогом. Вы любите яблочный пирог?

– Обожаю.

– Выпечка у нас отменная. Приезжайте в Баден, мы вас угостим плюшками с корицей и домашними эклерами. Пальчики оближите.

– Приеду непременно, – улыбнулась я. – Причем, уже в эти выходные. Для господина барона вы тоже что-то привезли? Он говорил, что уедет в город и вернется только вечером.

– Господин Солус готовит себе сам, – хмыкнула Аника. – Наверняка питается какой-нибудь гадостью. Сомневаюсь, что он способен состряпать что-нибудь сложнее овсянки. Мой муж периодически варит для него какие-то напитки, еду же барон не заказывал у нас ни разу. По крайней мере, для себя.

Я слушала ее с возрастающим удивлением. Готовит сам? Странно. Я не видела в кухне никаких следов того, что здесь бывает кто-то кроме меня. Быть может, у Эдуарда есть собственная кухонька? Или же он предпочитает столоваться не в «Орионе», а в другом ресторане – втайне от четы Мун.

Вообще, разговаривать с Аникой оказалось очень интересно. Она пересказала мне все городские и деревенские сплетни, искренне посочувствовала намерению провести пару-тройку недель в холодной библиотеке, и с ходу назвала около десятка краеведов, которые могли бы помочь мне со сбором фольклора («Знаешь, кто у нас главный сказочник? Наш мэр! Каждый день фантастические истории рассказывает: про ремонт тротуаров, про новый сквер, про уличные фонари. Да так складно! Заслушаться можно»).

Словом, в библиотеку я вернулась только после обеда и в течение двух часов наверстывала то, что упустила из-за болтовни с братом и горничной. Когда же план по сегодняшней фотосъемке оказался выполнен, поспешила в спальню – читать записи Аннабель Солус.

В комнате несколько минут пришлось потратить на то, чтобы перенести снимки чертежей в ноутбук и распределить их по нужным папкам, после чего я уселась в кресло, укрылась одеялом и принялась изучать старинный блокнот.

Сказок в нем было много, я насчитала не менее девяти. Судя по всему, Аннабель не стремилась литературно их обработать – каждая история оказалась изложена так, как ее могла бы рассказать старая няня – говорливая добродушная крестьянка с хорошей памятью и прекрасной фантазией.

Первые три сказки, посвященные приключениям храброй белки и глупого волка, были «бродячими» – подобные произведения, только с иными героями, я встречала в других регионах нашей страны. Остальные оказались волшебными и имели разные сюжеты – о любви, о поисках похищенного сокровища или же о победе над злым демоном. При этом все они имели общую деталь: одним из героев этих сказок оказывалось страшное потустороннее существо –

оборотень или вампир. На самом деле, в этом не было ничего удивительного – топкие болота и глухие леса, окружающие Баден и его окрестности, не могли не породить в воображении людей жутких кровожадных монстров – аллегория опасности, поджидающей местных жителей в чаще или среди надгробий старинных кладбищ.

Если с оборотнями было все понятно – крестьяне в лице старушки Матильды считали их черными колдунами или переродившимися разбойниками, то информация, которую няня давала воспитаннице о вампирах, меня изрядно удивила. Прежде всего, выяснилось, что у этих монстров имеется своя иерархия. Аннабель четко разграничивала кровососов на две группы: вурдалаков – оживших мертвецов, чьей единственной целью было напиться человеческой крови, и собственно вампиров – бессмертных существ, которые сохранили память, интеллект, а значит, могли свободно жить среди обычных людей и питаться кровью, не привлекая к себе внимания. Вурдалаков, являвшихся, по сути, аналогом безмозглых бешеных зверей, следовало немедленно уничтожать, желательно при помощи огня, ибо ни хрестоматийный осиновый кол, ни соль, ни святая вода на них не действовали. В самом деле, как можно убить куском дерева то, что и так уже является мертвым?

С вампирами же няня Матильда сражаться не рекомендовала, а предлагала договориться: этим созданиями было не принципиально, чью именно кровь пить, а потому за стакан свиной или бараньей крови, главный герой сказки мог приобрести мудрого советчика или даже верного союзника.

Описание кровососов тоже существенно отличалось от общепринятого. Во-первых, у них отсутствовали клыки. В этом была своя логика: если у человека изначально имелись нормальные зубы, каким образом его челюсть могла трансформироваться в ненормальную? Поэтому, ввиду отсутствия альтернативы, вурдалаки разрывали жертву когтями или вовсе голыми руками, а вампиры имели при себе специальные ножи, которыми было удобно вскрывать жертве вену.

Во-вторых, те и другие по-разному относились к солнечному свету. Вурдалаки предпочитали прятаться от него в любом темном укромном месте, вампиры же были к нему равнодушны – я нашла в сборнике Аннабель три сказки, в которых эти бессмертные существа совершенно спокойно прогуливались днем по городским или деревенским улицам.

От прочитанного я пришла в дикий восторг. Эдуард вручил мне настоящий клад – на основе записей баронессы Солус можно не только составить шикарный раздел фольклорного сборника, но и написать целую научную работу про суеверия жителей разных уголков нашего государства.

Когда же я дошла до последней страницы книги, выяснилось, что одним томом «Сказки нянюшки Матильды» не ограничиваются – последняя сказка обрывалась на самом интересном месте. Видимо, Аннабель не хватило места, чтобы записать ее целиком. В связи с этим можно предположить, что в Ацере есть еще один старинный блокнот со сказками. Вечером нужно попросить Эдуарда его найти. Такое сокровище не должно пылиться на полках, его нужно обязательно представить людям.

На ужин Солус, как и всегда, явился раньше меня. Он снова ничего не ел, зато – очевидно, для разнообразия – что-то неторопливо пил из большой керамической кружки.

Мои восторги по поводу «Сказок нянюшки Матильды» барон выслушал с улыбкой, а на вопрос, нет ли у них продолжения, только покачал головой.

– Его нет, и это совершенно точно, – сказал Эдуард. – Возможно, последняя сказка оказалась незаконченной, потому что из блокнота выпали несколько последних листков. Если хотите, я могу их поискать. Или поищите сама – скорее всего, они лежат на третьей полке шестого стеллажа. Сборник Аннабель все эти годы хранился именно там.

– Чудно, – кивнула я. – В таком случае, мне и правда лучше поискать самой. Я ведь все равно проведу в библиотеке все утро. Кстати, Эдуард. Вы говорили, что с завтрашнего дня в Ацере возобновляются экскурсии.

– Да, так и есть. И вы по-прежнему можете к ним присоединиться. Я предупрежу об этом гида.

– Спасибо.

Несколько минут мы молчали: я ела куриный салат, Солус пил свой напиток.

– Как дела в Бадене? – поинтересовалась, отодвигая в сторону пустую тарелку.

– Как обычно, – пожал плечами барон. – Серо, грязно, печально. Вы уже гуляли по этому городу?

– Нет, я была только на железнодорожном вокзале, а с него сразу же отправилась в Ацер.

– На самом деле Баден достаточно уютен и живописен, – заметил Эдуард. – Там есть старинная церковь, множество средневековых улочек с каменными двухэтажными домами, несколько старинных кафе. А здание городского совета и вовсе считается памятником архитектуры. Однако в ноябре там уныло. По крайней мере, так кажется мне.

– Вам здесь скучно, верно? Вы говорили, что раньше жили за границей.

– В Ацере хватает дел. Тут постоянно что-то рушится, ломается, выходит из строя. У меня создается впечатление, что замок пытается этим привлечь к себе внимание. Его можно понять – на протяжении столетий здесь кипела жизнь: звучали голоса, рождались и умирали люди. Десятилетия тишины сводят Ацер с ума. Не могу сказать, что мне здесь скучно. Тут мой дом, София. Я люблю эти стены, и хочу, чтобы они простояли, как можно дольше. Я действительно долгое время жил в другой стране, и это было очень интересное время. Но сейчас я здесь. И это хорошо.

Он говорил мягким спокойным голосом, на его губах время от времени мелькала улыбка, но взгляд был печален. Я слушала его и думала о том, что этот человек, должно быть, очень одинок.

– Где ваши родные, Эдуард?

– Умерли, – он поставил свою чашку на стол. – Много лет назад.

– А жена?

Солус покачал головой.

– Я никогда не был женат, София. Вы, как я понимаю, тоже не замужем.

– Почему вы так думаете?

– Муж не позволил бы вам так долго находиться в тысяче километров от дома в компании малознакомого мужчины.

– Резонно, – усмехнулась я.

Да, с замужеством у меня пока не сложилось. И, на мой взгляд, в этом нет ничего страшного. Мне всего-то двадцать семь лет, а значит, я еще успею и найти жениха, и родить детей, и построить карьеру, и даже научиться плести кружева. При условии, что буду правильно распределять свое время и не стану разминиваться по пустякам. По крайней мере, так говорит моя бабушка, а бабуле я доверяю безоговорочно – у меня еще не было повода, чтобы усомниться в ее правоте. Между тем, мы с Эдуардом не настолько близко знакомы, чтобы обсуждать чью-либо личную жизнь, а потому тему разговора лучше сменить.

– В субботу мне нужно побывать в Бадене, – сказала я. – Говорят, что между ним и Ацером курсируют автобусы.

– Верно, – кивнул Солус. – Они ходят через каждые два с половиной часа, начиная с девяти утра. Вы намерены провести в городе весь день?

– Да, скорее всего. Нужно отослать брату фотографии чертежей, а еще посмотреть средневековые улочки и старинные кафе.

– Я мог бы отвезти вас туда сам, – заметил Эдуард. – Личный транспорт гораздо удобнее общественного.

– У вас в Бадене дела?

– Нет. Просто мне хочется составить вам компанию. Поверьте, я знаю этот город как никто другой, и могу показать множество его интересных уголков. Если вы, конечно, не против.

– Я только за, – кивнула ему.

Прогулка с этим мужчиной определенно была хорошей идеей. Я посмотрела на стоявшую на столе пустую чашку, немного подумала и спросила:

– Эдуард, могу я задать вам личный вопрос?

В его глазах появился интерес.

– Задавайте.

– Чем вы питаетесь?

Интерес во взгляде Солуса сменился удивлением.

– Простите?

– Я ни разу не видела, чтобы вы ели, – смущенно объяснила я. – Мне начинает казаться, будто вы приходите в столовую только для того, чтобы я не скучала в одиночестве.

Эдуард усмехнулся.

– В целом так и есть. У меня особый режим питания, София, и особая диета. Мои приемы пищи не совпадают с вашими по медицинским причинам. Поверьте, я не голодаю. В столовую же действительно прихожу, чтобы составить вам компанию, а заодно узнать, нужна ли какая-нибудь помощь.

Я почувствовала, как мои щеки заливают краской.

– Спасибо за объяснение.

– Пожалуйста, – улыбнулся он. – Обращайтесь.

Туристы прибыли в Ацер в двенадцатом часу дня. В какой-то момент через приоткрытые двери библиотеки послышались громкие голоса и щелчки затворов фотоаппаратов. Я отложила в сторону мыльницу и поспешила на звук. Успела к самому началу экскурсии – посетители как раз выстроились в холле первого этажа напротив высокой худощавой женщины в строгом коричневом жакете.

Я невольно улыбнулась – точно такой пиджак носила моя преподавательница истории и литературы. Собственно, госпожа гид была на нее похожа не только этим – та же прямая спина, те же седоватые каштановые волосы, тот же умный внимательный взгляд. Увидев меня, женщина кивнула. Видимо, Эдуард, как и обещал, предупредил ее обо мне. Я кивнула в ответ и присоединилась к остальным экскурсантам.

– Добрый день, дамы и господа, – сказала гид. – Меня зовут Руфина Дире. Я рада приветствовать вас в старинном замке, полном тайн и загадочных историй. Ацер уникален. Здесь сохранились не только подлинные вещи, которыми пользовались аристократы прежних столетий, но и восхитительная атмосфера нескольких эпох – от средневековья до так называемых изящных времен. Прошу вас, следуйте за мной.

Рассказ госпожи Дире оказался очень интересным. Переходя из комнаты в комнату, она рассказала о том, когда и кем был основан Ацер, коротко обрисовала, как он переходил из рук в руки, пока не стал семейным гнездом баронов Солус.

– Скажите, не с этим ли замком связана история про вампиров? – спросил один из экскурсантов, когда мы вышли из очередного зала.

– С этим, – кивнула госпожа Дире. – В позапрошлом веке Баден и Ацер оказались в центре эпидемии холеры. Ее ужасные последствия породили в воображении людей немало фантазий, которые превратились в страшные сказки.

– Так значит, крестьяне действительно брали замок штурмом, а потом устроили пожар?

– Это выдумки, – улыбнулась экскурсовод. – Местные жители с уважением относились к Солусам и ни при каких обстоятельствах не стали бы жечь их жилище. Скажу больше: после того, как холера выкосила его хозяев, Ацер ни разу не подвергался нападению грабителей. А ведь он стоял пустым почти сорок лет – до тех пор, пока его не навестил сын последнего выжившего барона. Кстати. Сейчас мы с вами входим в среднюю галерею – переход между центральной частью замка и его правым крылом. Обратите внимание на эту стену: здесь висят семейные портреты Солусов. Все они – отличные образцы живописи прошлых веков. Наши аристократы не позировали местным самоучкам, их писали только столичные мастера. Особенно хорошо сохранились три последних портрета. Это старый барон и двое его детей – сын Антуан и дочь Аннабель.

Услышав имя юной сказочницы, я встрепенулась и поспешила продвинуться вперед. Изображения брата и сестры висели рядом, а их сходство сразу же бросалось в глаза. Они были одинаково темноволосы и кареглазы, имели острые скулы и удивительно красивые губы – точеные, будто вышедшие из-под руки великого скульптора. Точно такие, как у нынешнего хозяина Ацера. Похоже, эти губы – семейная особенность Солусов.

Я подошла к портретам ближе. Антуану на вид было не больше восемнадцати лет. Он держался с достоинством и одновременно создавал впечатление доброго, чуть застенчивого молодого человека. А его сестра... его сестра действительно была ангелом. Ее круглые румяные щечки, большие лучистые глаза и мягкая улыбка приковывали взгляд. Судя по всему, картину написали незадолго до смерти Аннабель – на ней девочке было одиннадцать-двенадцать лет. В отличие от брата, изображенного в дорогом камзоле, юная баронесса позировала в простом домашнем платье (не иначе милая причуда, которой не смогли отказать любящие родители), а в руках держала маленькую книжечку – блокнот в мягкой матерчатой обложке. Тот самый, который я читала вчера.

По моей спине невольно поползли мурашки.

– А где же еще один портрет? – спросила я у Руфины Дире. – Насколько я знаю, у старого барона было трое детей.

– Совершенно верно, – кивнула экскурсовод. – Антуан и Аннабель – младшие дети господина Солуса. Старший сын – Эдуард – тот самый счастливчик, который выжил во время эпидемии и продолжил сей славный аристократический род. Его изображения, к сожалению, нет. Вернее, оно есть, но конкретно сейчас картина находится на реставрации. Впрочем, чтобы узнать, как выглядел наследник Ацера, портрет не нужен. Для этого достаточно посмотреть на нынешнего Солуса, тоже, кстати, Эдуарда. Я видела картину до того, как ее увезли из замка, и могу сказать, что сходство между ними потрясающее. Если бы я не знала, что этих мужчин разделяют две сотни лет, подумала бы, что живой и нарисованный Солус – это один и тот же человек.

Руфина говорила, улыбаясь, однако и в ее доброжелательном тоне, и во взгляде, который она теперь не сводила с меня, было нечто такое, из-за чего возникало четкое впечатление: господин барон этой женщине почему-то не нравится.

Экскурсия длилась больше часа. За это время мы обошли все помещения замка, открытые для посетителей, включая старинную кухню и погреб. Госпожа Дире была права – Ацер производил на гостей потрясающее впечатление.

После того, как обход завершился, и туристы направились к выходу, я подошла к госпоже Дире. Та, как оказалось, меня уже ждала.

– Я помогу вам с большим удовольствием, – сказала она, когда я сообщила ей о своей работе и горячем желании узнать больше о местном фольклоре. – Приезжайте ко мне в Хоску, я вас с такими замечательными бабушками познакомлю! Сказительницы они необыкновенные, столько интересного знают – заслушаетесь.

– Здорово, – обрадовалась я. – Когда же мне можно приехать?

– Завтра. У меня будет выходной, а в Ацере станет работать другой экскурсовод. Приезжайте утром, после обеда наши старушки имеют обыкновение ходить друг к другу в гости.

– Хорошо. В таком случае, до завтра.

– Буду вас ждать, госпожа Корлок.

Чертежами Алекса я занималась до вечера. Рассудив, что завтра у меня наверняка не хватит на них времени, решила выполнить двойную работу, дабы потом спокойно заниматься своими делами. Поиск утерянных листков из «Сказок нянюшки Матильды» тоже пришлось отложить на более поздний срок, хотя соблазн порыться на библиотечных полках был очень велик: благодаря напольным лампам Эдуарда я могла здорово увеличить время своих занятий – аккумуляторы, на которых они работали, оказались достаточно мощными, чтобы работать несколько часов без перерыва.

Когда мои наручные часы показали, что до пяти часов вечера осталось десять минут, я выключила фотоаппарат, погасила лампы и отправилась на ужин.

Столовая встретила меня тишиной – господин Солус почему-то опаздывал. Это оказалось неожиданным: вечернюю трапезу Эдуард еще ни разу не пропускал. Возможно, барона задержали какие-то дела, или же в этот раз у него попросту не было настроения меня развлекать.

Ужин в итоге получился унылым. Рагу, которое мне доставили в пузатом глиняном горшочке, было сочным и ароматным, но я глотала его, не чувствуя вкуса. Приглушенный свет бра, темень за окном и звенящая тишина комнат вызывали ощущение грусти и безнадёги, а сам Ацер напоминал склеп – холодный и безмолвный. Его хозяин прав, здесь очень не хватает человеческих голосов, и даже толпы туристов не в силах заменить осиротевшему замку семью.

Между тем, стоило мне покончить с рагу и приступить к чаю, как хлопнула дверь в прихожей, и в столовой появился Эдуард, тепло одетый и находящийся в прекрасном расположении духа.

– Вы поужинали, София? – весело поинтересовался он. – Допивайте чай и собирайтесь. Я приглашаю вас на прогулку.

– Здорово, – улыбнулась я. – Где будем гулять?

– Возле Ацера.

– В лесу?

– В парке. Он небольшой и находится рядом с правым крылом. Сегодня там закончили монтаж нового освещения, и мне нужно проверить, как теперь будут гореть фонари. Составите мне компанию?

– Конечно, – кивнула я, залпом допивая то, что осталось в чашке.

Как интересно: в Ацере, оказывается, есть парк. Мне почему-то казалось, что он окружен высокой стеной, и кроме хозяйственных построек здесь ничего нет. Впрочем, это не мудрено – с момента своего приезда в замок на улицу я выходила всего один раз – когда ловила у местных ворот Интернет.

Отправив грязную посуду в мойку, я надела куртку и шарф, и вышла вслед за Эдуардом на крыльцо. Стоило закрыть за собой дверь, как территория озарилась мягким желтоватым светом – барон нажал на невидимый рычаг и включил уличные лампы, встроенные в лежавшие вдоль дорожек каменные плиты.

– Так гораздо лучше, не правда ли? – улыбнулся Солус, предлагая мне взять его под руку. – С электричеством в Ацере беда, оно то и дело выходит из строя. Надеюсь, в этот раз все будет по-другому.

Мы спустились по ступенькам вниз и неторопливо пошли вперед. Воздух был сырой и холодный, однако туман еще не успел повиснуть над землей, и у меня появилась прекрасная возможность осмотреть Ацер снаружи.

От увиденного в первое мгновение захватило дух. Если верить рассказам Алекса и моим скромным познаниям в архитектуре, замок Солусов представлял собой яркий образец готической постройки – крепкие мощные стены, которые, казалось, уходили в самое небо, стрельчатые своды крыш, высокие узкие окна и башни с каменными скульптурами в полукруглых нишах. Если Ацер так хорош в свете фонарей, как прекрасен он должен быть при свете солнца!

Эдуард, явно заметивший мой восторг, время от времени бросал на меня хитрые взгляды, однако молчал, от чего возникало впечатление, что самое интересное нас ждет впереди.

Мы миновали замковый двор и остановились возле невысокой каменной ограды, выполнявшей, скорее декоративную, нежели защитную, функцию. Ворот у ограды не было – две ее стены сходились в широкую крепкую арку, плотно оплетенную стеблями каких-то ползучих растений.

– Прошу вас, София.

Парк действительно был небольшим, он состоял всего из трех аллей, расходящихся в стороны, как цветочные лепестки. Вдоль широких дорожек росли толстые деревья – дубы и клены, а также низкие густые кустарники, между которыми прятались тяжелые скамейки на витых металлических ножках и высокие затейливые фонари. Несмотря на то, что парк был по-осеннему гол, впечатление он создавал потрясающее, причем, в самом прямом смысле. Архитектор, проектировавший сие великолепие, обладал своеобразным чувством юмора: очевидно решив, что с дубами и лавками парк смотрится бедновато, он разместил здесь статуи полуобнаженных мраморных красавиц. При этом установил их так близко к деревьям, что создавалось впечатление, будто это и не статуи вовсе, а привидения, которые внимательно наблюдают за гуляющими людьми.

Не знаю, как каменные девы выглядят днем, а вечером, в желтом свете фонарей они смотрелись жутковато.

– Забавные скульптуры, – сказала я Эдуарду.

Тот пожал плечами. Судя по всему, у него призрачные девы таких ассоциаций не вызывали.

– На днях их закроют ящиками, – заметил Солус. – Пока держится хорошая погода, они стоят так, но перед наступлением холодов их придется спрятать.

– Как вам фонари?

– Отлично. Они работают, и это здорово. По крайней мере, пока. Вам нравится парк, София?

– В целом да, – я невольно поежилась. – Правда, сейчас он выглядит несколько... готично. Темное небо, холодный ветер, голые деревья, статуи, которые кажутся полупрозрачными... Не хватает только вампира.

Эдуард сбился с шага.

– Вампира? – переспросил он.

– Для полноты картины, – пояснила я. – Если бы он сейчас появился из-за деревьев, все это могло бы стать отличной декорацией для какой-нибудь страшной и загадочной истории.

– Из-за этих деревьев может появиться только волк, – усмехнулся Солус. – Парк маленький и примыкает к перелеску, о котором я вам говорил пару дней назад. Но не волнуйтесь, конкретно сейчас зверь сюда не придет – его отпугнет свет, наши голоса и запах.

Что ж, это радует. Потому как волк – это последнее существо, которое мне хотелось бы тут встретить. Право, уж лучше вампир. Если верить нянюшке Матильде, с ним хотя бы можно договориться.

– У этого парка интересная форма, – заметила я, когда мы дошли до конца одной из аллей. – Мне казалось, что его дорожки должны соединяться, а они просто обрываются у деревьев.

– Да, это не очень удобно. Чтобы перейти на другую аллею придется вернуться назад, – согласился Эдуард. – Между тем, эта странная форма вполне объяснима. Если смотреть на парк из верхних спален правого крыла, можно увидеть, что он обустроен в виде огромной буквы Э. Его заложил один из моих предков для своей супруги Элеоноры. Ей не нравилось, что возле замка нет места для прогулок, а бродить по лесу она не желала. Поэтому муж разбил для нее парк.

– Наверное, ваш предок очень любил свою жену, – сказала я.

– Да, любил, – криво улыбнулся Солус. – Элеонора являлась его второй супругой, и у них была значительная разница в возрасте – барон был старше жены на двадцать три года. Он обожал ее, почти боготворил, поэтому всячески баловал и безропотно исполнял любой каприз. Благодаря Элеоноре в Ацере появился не только парк, но и несколько новых комнат и даже теплицы с диковинными цветами. Правда, теплицы до нашего времени не сохранились – после эпидемии холеры ухаживать за растениями стало некому, и новый хозяин Ацера приказал их снести.

– Вы имеете в виду Эдуарда Солуса? – уточнила я. – Речь снова идет о той семье, что жила здесь двести лет назад?

– О, я смотрю, вы сегодня побывали на экскурсии, – снова улыбнулся мужчина. – Да, речь снова о них.

– Выходит, Элеонора была матерью Аннабель?

– Антуана и Аннабель. Старший сын являлся ребенком от первого брака.

– А что случилось с первой женой барона?

– Насколько мне известно, она умерла от воспаления легких. В то время уровень медицины оставлял желать лучшего, и люди жили гораздо меньше, чем теперь. Знаете, София, у меня все никак не доходили руки до этого парка. Он, конечно, мил и живописен, однако его давно пора реконструировать – посадить новые кусты, разбить клумбы, обновить дорожки. Вы правы, станет гораздо удобнее, если все три аллеи будут соединяться в одну. Весной непременно выпишу сюда рабочих.

– А как же буква Э? Если вы соедините ее лучи, исчезнет последняя память о безграничной любви барона к его супруге.

Эдуард поморщился.

– Не вижу в этом никакой беды. Парк станет красивее и комфортнее, а это гораздо важнее, нежели чувства, о которых давным-давно все забыли. К слову сказать, память о безграничной любви Солусов останется даже в том случае, если я сравню это место с землей. Перед смертью старый барон распорядился похоронить его рядом с супругой. Так вышло, что Элеонора умерла на несколько дней раньше него, и была перенесена в семейную усыпальницу. Старик приказал изготовить большой саркофаг, в котором бы они поместились вдвоем, поэтому Солусы покоятся вместе. Более того, на крышке их гробницы высечена сентиментальная ерунда, вроде «Навеки неразлучны» или что-то в этом духе, я точно не помню.

– Вас не очень-то вдохновляет эта история, верно?

Он пожал плечами.

– В ней есть нечто фальшивое. Театральное, отдающее дешевой бульварщиной. Привязанность барона у меня сомнений не вызывает, а вот взаимность его жены находится под большим вопросом. Элеонора происходила из обедневшего дворянского рода, и Солус стал для нее очень удачной партией. Я не хочу сказать, что она была плохой женщиной. Наоборот, баронесса оказалась умной и рачительной хозяйкой, да и манеры у нее были на высоте. Но муж ей был

не нужен. Он годился Элеоноре в отцы, и она относилась к нему скорее с уважением, нежели с любовью. Я уверен, что у нее имелся тайный поклонник, с которым она проводила время.

Я улыбнулась. Удивительное дело – в каждой семье есть человек, которого принято считать недостойным и который по каким-то причинам не вписывается в общую картину родственных связей. К примеру, в моей семье таким родственником-изгоем является тетюшка Марта – мать дорогого брата Алекса и жена не менее дорогого дядюшки Рика – двоюродного брата моего отца. По мнению большинства членов нашего семейства, тетя Марта – это неаккуратное легкомысленное создание, которое много лет сидит на шее у своего мужа и больше всего на свете любит праздники и вечеринки. Если же познакомиться с дядиной женой поближе, удивительным образом оказывается, что Марта – веселая очаровательная женщина, исключительно мудрая и понимающая, прекрасный организатор любых мероприятий и вообще мозговой центр их семьи. Она относится к тому типу дам, которым не нужно прилагать усилия, чтобы покорить сердце мужчины или получить дорогой подарок. И мужчины, и подарки падают к ее ногам, как листья в осенний ветреный день. Тетя легко относится к жизни, и жизнь отвечает ей тем же. Мою бабушку до сих пор раздражает патологическое нежелание Марты мыть посуду и полы, и чрезвычайно удивляет, насколько спокойно к этому относится ее муж, который, к слову, купил супруге посудомойную машину и робот-пылесос. Дядя с тетей живут душа в душу тридцать лет, и окружающие жутко завидуют их счастью.

– Судить о людях, умерших много лет назад, конечно, тяжело, – сказала я. – Но, мне кажется, что барону и баронессе было друг с другом хорошо. Имелся у Элеоноры любовник или нет, мы уже не узнаем, да это и не важно. По крайней мере, дети у Солусов точно были общими – об этом говорит уже то, что вы, наследник их старшего брата, похожи на Антуана и Аннабель, как родной. Барон очень любил свою жену, рядом с ней он был счастлив, а это самое главное. Знаете, Эдуард, я бы очень хотела, чтобы мой отец тоже был счастлив. Чтобы встретил женщину, в которую без памяти влюбился, женился на ней, и она родила бы мне брата или сестру. Даже если избранницей папы станет моя ровесница или совсем молоденькая девушка, я отнесусь к этому с пониманием. Лишь бы ему было хорошо.

Солус бросил на меня вопросительный взгляд. Я глубоко вздохнула.

– У моей матери была серьезная болезнь почек. Она умерла от нее, когда мне исполнилось десять лет. Для нас с папой это стало большим ударом, причем, отец переживал в разы больше, чем я. Он ушел с работы, целыми днями сидел у ее могилы, много пил... Он любил ее, Эдуард. Всею душой. Мне пришлось переехать к бабушке, потому что папа категорически не хотел меня видеть. Я очень похожа на маму. У меня такое же телосложение, такие же голубые глаза, курносый нос, и каштановые волосы один в один, как у нее. Я так сильно напоминала отцу умершую жену, что его боль становилась невыносимой. Поэтому первые месяцы после ее смерти мы провели врозь. Да и следующие тоже. Моим воспитанием до самого совершеннолетия занималась бабушка, а папа только переводил ей деньги и время от времени приходил к нам в гости. Тогда я ужасно обижалась на него за эти редкие встречи. А теперь понимаю: отцу фактически пришлось учиться жить заново – без мамы. С тех пор прошло семнадцать лет, а он этому так и не научился. Его боль, конечно, притупилась. Папа бросил пить, нашел хорошую работу, которая ему очень нравится, да и на мамину могилу приезжает всего пару раз в год. Мы с ним стали общаться гораздо чаще и здорово подружились. Он поддерживает меня во всем. Знаете, это по-настоящему круто – чувствовать, что на свете есть человек, который всегда находится на твоей стороне. Однако в личной жизни папа не счастлив.

– Он стал затворником?

– Что вы, наоборот! Когда отец более-менее пришел в себя, женщины пошли в его жизни чередой. Он менял их так часто, что я не берусь вспомнить их точное количество. При этом ни одна из них не смогла подвигнуть его на второй брак. Папа очень разборчив в связях, его подруги – приличные милые женщины. Любая из них могла бы стать ему хорошей женой, но

он и не хочет связывать себя какими-либо обязательствами, поэтому все его отношения длятся не больше пяти-восьми месяцев. Конечно, человек имеет право жить так, как ему нравится, но я вижу, что даже окруженный женским вниманием, папа остается бесконечно одиноким. Он словно ищет такую, как мама, но никак не может найти. Знаете, Эдуард, вашему предку очень повезло. Барон сумел пережить смерть первой супруги, полюбить снова и построить еще одну крепкую семью. Какой бы женщиной не была Элеонора, она смогла сделать своего мужа счастливым. Если же при этом баронесса была счастлива сама, остается ей только позавидовать – по-доброму и с улыбкой.

Солус слушал меня молча. Когда же я закончила свою речь, он остановился, а потом взял мою руку и, наклонившись, осторожно коснулся озябших пальцев сухими прохладными губами.

– Спасибо вам, София.

– За что? – удивилась я.

Он мягко провел пальцем по моему запястью.

– За теплоту.

Я повернула ладонь и пожала ему руку.

– Элеонора достойна благодарности, Эдуард. Оставьте парку ее имя. Вам все равно это ничего не будет стоить.

Солус улыбнулся и пожал мне руку в ответ.

Глава 3

В Хоску я отправилась после завтрака. Автобус, о котором говорил Эдуард, подошел к остановке ровно в девять часов – минута в минуту. Саму остановку, к слову, пришлось поискать: чтобы эта кривая бетонная конструкция не портила общий вид замка, ее установили в стороне от ворот среди густых придорожных кустов.

Автобус же оказался старой облезлой «гармошкой», которая собирала жителей окрестных сёл и, судя по всему, везла их в Баден на работу. Водитель – невозмутимый человек, явно познавший всю мудрость бытия (или попросту боявшийся растерять по пути детали своей чудо-машины) никуда не спешил, а потому мы медленно ползли по шоссейной дороге, плавно рассекая туман. Мне отчего-то казалось, что со стороны этот славный транспорт похож на большую лупоглазую гусеницу, выползшую на утренний променад.

В Хоске меня высадили ровно через двадцать минут. Руфина Дире, с которой я созвонилась сразу после завтрака, уже ждала на местной автостанции – маленькой и на удивление аккуратной.

– Я поговорила с нашими старожилками, – сказала она, когда я вышла из автобуса. – Они согласны рассказать здешние легенды и даже изъявили желание познакомить вас с некоторыми интересными традициями. Идемте, госпожа Корлок, нас уже ждут.

Мы перешли дорогу и зашагали вперед по узкому тротуару.

– На самом деле, сказителей у нас пруд пруди, – продолжала госпожа Дире. – В Хоске очень развит событийный туризм: здесь то и дело устраивают праздники и народные гуляния, на которые съезжается половина региона. На знаменитую Баденскую ярмарку прибывает меньше гостей, чем на наш Укулаб, Месисс или День зимнего солнцестояния. Почти в каждом здешнем доме можно найти бабушку или старичка, способных рассказать старинную сказку или спеть пару-тройку древних баллад. Я собрала самых говорливых, госпожа Корлок. Не удивлюсь, если эти артистки подготовили для вас целый спектакль.

Предположение госпожи гида оказалось верным. Немного поплутав в тумане, мы подошли к дощатому заборчику небольшого одноэтажного дома. Его калитка была приоткрыта, и мы беспрепятственно ступили в просторный чистый двор, выложенный стершимися от времени булыжниками. Стоило сделать шаг по направлению к крыльцу, как дверь дома отворилась, и нам навстречу вышла его хозяйка – невысокая круглолицая старушка. Выглядела бабушка необычно: на ней был надет нарядный стеганный жилет, накинутый поверх белой рубашки с объемными рукавами, широкая черная юбка чуть выше щиколотки и прямоугольный фартук, сшитый из разноцветных кусочков ткани. На ногах у женщины красовались кожаные ботиночки, обутые поверх вязаных полосатых чулок, а на голове – матерчатая шапочка, украшенная затейливой вышивкой. Судя по всему, пожилая дама вышла встречать нас в традиционном костюме своего региона.

– В нашем округе было принято высматривать гостей у окна, – шепнула мне на ухо Руфина Дире. – Хозяева нарочно ждали, когда те войдут во двор, чтобы встретить их на крыльце. Этим они выказывали им свое глубокое уважение.

Когда мы подошли ближе, старушка дружелюбно улыбнулась и важно произнесла:

– Добро пожаловать, дорогие гости. От нашего дома вашему – почтение и поклон.

Она вежливо склонила голову, после чего извлекла откуда-то широкий деревянный коврик с узким носиком и красно-зеленое полотенце.

– В наших краях, прежде чем войти под чужой кров, человек должен был омыть руки водой, – наставительно сказала старушка. – Это было символом того, что вместе с ней он оста-

вил за порогом обиды и злые мысли. Меня зовут Зарида Мотти, и я рада приветствовать вас в своем доме.

– Меня зовут София Корлок, – с улыбкой ответила я, подставляя ладони, на которые бабушка тут же плеснула немного теплой воды. – И я рада знакомству с вами, госпожа Мотти.

– София – та самая девушка, которая хочет послушать ваши прибаутки, Зарида, – пояснила Руфина.

Старушка снова улыбнулась и пропустила нас в прихожую, а затем в просторную светлую комнату с домоткаными половиками, старой громоздкой мебелью и кучей декоративных цветов. Там обнаружили еще две старушки, одетые в точно такие же костюмы, как и хозяйка дома. Нас представили друг другу, а потом началось представление.

Для начала бабушки угостили меня и Руфину румяными пирожками с картошкой, изготовленными по уникальному местному рецепту. Затем спели три длинные печальные песни о нелегкой женской судьбе, с воодушевлением объяснили значение каждого элемента своих нарядов («Народный костюм, деточка, как удостоверение личности, по нему все узнать можно: откуда человек родом, чем он занимается, есть ли у него супруг и дети. Куда уж до него нынешним джинсам и мини-юбкам! Мы свои костюмы сами пошили – по примеру тех, что от прабабок достались. Теперь на праздники надеваем, когда рассказываем туристам о народной культуре») и даже сплясали задорный танец.

Наблюдая за этим действием, я едва не подпрыгивала от восторга и уже планировала, как во вступлении к своему сборнику дам подробное описание обычаев и традиций баденских крестьян.

Когда с песнями и танцами было покончено, наступило время сказок. Старушки заварили нам по чашке ароматного травяного чая и принялись рассказывать старинные истории. Поначалу это были короткие бытовые зарисовки: о сварливой жене и ее невозмутимом муже, о жадном купце и находчивом охотнике, о богатом крестьянине и его бедном соседе. Затем им на смену пришли сказания, в которых фигурировали таинственные существа – духи леса, дарившие подарки добрым лесорубам, и домовые, помогавшие на кухне рачительным хозяевам.

Я с любопытством ждала, расскажут ли старушки что-нибудь, похожее на истории нянюшки Матильды. Спустя некоторое время дамы действительно рассказали пару похожих сказок, однако они оказались настолько измененными, что узнать их сюжеты было непросто. Очевидно, с течением времени и повышением у местных жителей уровня образования, потусторонние создания стали больше комическими, нежели мистическими персонажами, и особенно ужаса у главных героев уже не вызывали.

– Есть ли у вас сказки про вампиров? – спросила я у женщин, когда подошла к концу очередная история. – Я слышала, в ваших местах о них рассказывают много интересного.

– Да, такие сказки есть, – кивнула госпожа Мотти. – Но лично я знаю только одну. Вот в Бадене вам о них на целую книгу расскажут. Все-таки мы живем в селе, а вампиры предпочитают города.

– В самом деле? – удивилась я. – А как же легенды об уединенных замках, в которых обитают страшные кровососы, наводящие ужас на округу?

– Ерунда, – усмехнулась одна из хозяйкиных подруг. – Вампиры – не вурдалаки, от солнечного света им прятаться не надо, поэтому идеальное место для их жизни и охоты – именно город. Там легко затеряться, никто никому не нужен, да и пить у окружающих кровь – в порядке вещей. В сельской же местности с кровососами быстро бы расправились – народу здесь мало, все друг друга знают, и в случае опасности быстро объединяются против врага.

– Именно так, – кивнула Зарида. – Взять хотя бы местную историю про вампиров. В ней есть и замок, и село и даже пожар. Вот послушайте...

Следующие двадцать минут мне пересказывали сказку, о которой пару дней назад говорил Эдуард – в красках и с кучей немыслимых подробностей. Солус был прав: по мнению жите-

лей Хоски, незнакомец, пообещавший наследнику Ацера вечную жизнь, был дьяволом, принявшим человеческое обличие, а потому молодой барон оказался настолько охвачен жаждой крови, что уподобился вурдалаку. Концовка истории тоже отличалась от той, что я слышала в замке: средний брат молодого барона тоже стал вампиром, и спустя несколько дней после пожара, охотники обнаружили в лесу их логово. Снова собравшись толпой, крестьяне поймали кровососов, обезглавили и сожгли, избавив тем самым регион от страшных чудовищ.

Я смотрела на старушек и удивлялась тому, каким богатым может быть человеческое воображение. Превратить борьбу с болезнью в борьбу с потусторонней силой – разве это не потрясающе?

Сказительницы, в лицах изображавшие мне персонажей своей истории, наверняка думали точно так же. А вот госпоже Дире их мини-спектакль почему-то не нравился. Руфина слушала односельчанок, нахмурившись, и явно желала, чтобы представление поскорее закончилось. Когда же оно подошло к концу, она встала со своего места и, поблагодарив за беседу, предложила разойтись по домам. Ни я, ни старушки против этого ничего не имели – наш разговор длился без малого два часа, и мы все от него порядком устали.

– Приезжайте к нам через неделю, – сказала госпожа Мотти, провожая нас до калитки. – В следующие выходные в Хоске пройдет Радож – праздник памяти предков. Будет концерт и много угощения.

– Обязательно приеду, – улыбнулась я. – Разве такое можно пропустить?

– Нельзя ни в коем случае, – согласилась Руфина. – До свидания, Зарида. Приятно было пообщаться.

Мы вышли на улицу и зашагали вперед.

– Сейчас время обеда, – заметила госпожа Дире. – Если хотите, можем пообедать с вами в местном кафе. Там отлично готовят курицу под горчичным соусом.

Я покачала головой.

– Спасибо, но я, пожалуй, поем в замке. Мне не терпится расшифровать диктофонную запись и поработать над черновиком сборника.

– В таком случае, я провожу вас до автостанции, – кивнула Руфина. – Автобус прибудет только через полчаса. Я помогу вам скоротать это время.

А я успею посмотреть Хоску. Туман наконец-то рассеялся, и поселок предстал передо мной во всей своей красе. Конкретно сейчас мы шли по широкой улице, с двух сторон окруженной аккуратными каменными домами. На них не имелось особых украшений, которые отличали бы эти дома один от другого – ни затейливых оконных наличников, ни причудливых заборов, однако они все равно казались бесконечно милыми и уютными. Наверное, дело было в кружевных занавесках, видневшихся из-за широких деревянных окон, ползучих стеблях плюща, паутиной опутавших серые фасады, и общей картине чистоты и порядка. Я не заметила в Хоске грязных луж, разлившихся посреди тротуара, переполненных урн или облезлых скамеек – ничего такого, что говорило бы об унынии и упадке. Село процветало, и это было видно невооруженным взглядом.

– София, как вам живется в Ацере? – вдруг спросила госпожа Дире, когда мы подошли к автостанции.

– Нормально, – пожалала я плечами. – Там уютно, просторно, витает дух старины. Еще там несколько прохладно, но к этому можно привыкнуть.

– А барон Солус? Вы нашли с ним общий язык?

– Вполне. Он вежлив и обходителен. Думаю, этот человек способен найти общий язык со всеми.

– Это точно, – пробормотала Руфина. – Вы ведь ночуете в левом крыле, верно? Не боитесь по вечерам оставаться с ним один на один?

– А мне надо бояться? – удивилась я. – Эдуард не похож ни на маньяка, ни на извращенца. Я живу в Ацере почти неделю и ни разу не слышала, чтобы он ходил по коридору возле моей комнаты. Хотя дверь перед сном на всякий случай запираю на ключ.

– Правильно, – с явным облегчением в голосе сказала женщина. – Делайте так всегда. А еще подпирайте дверь креслом или тумбочкой – тоже на всякий случай.

Я удивленно приподняла бровь. Руфина глубоко вздохнула.

– Скажите, София, вы не замечали за Эдуардом чего-нибудь... м-м... странного?

– Странного? Что вы имеете в виду?

Она неопределенно махнула рукой.

– Не замечала, – покачала я головой. – Да и как я могла заметить? Мы видимся только утром и вечером, да и то не всегда. А почему вы спрашиваете?

Руфина вздохнула еще раз.

– Я расскажу вам одну историю, София. Не сказку, а реальный случай, который произошел на моих глазах. Вы наверняка знаете, что Ацер долго стоял пустым. Солусы предпочитали жить в другом месте, поэтому приезжали сюда раз в несколько десятилетий, чтобы подлатать в замке дыры, и никогда надолго не задерживались. С одним из них, Эрихом Солусом, познакомилась моя бабушка. Это было давно, лет пятьдесят назад, во времена ее юности. Они встретились на одном из местных праздников. Барон оказался столь очарователен, что бабушка мгновенно в него влюбилась. Ему она тоже пришлась по душе, однако Эрих был честным человеком и сразу предупредил, что ничего серьезного из их связи не выйдет, так как ни жениться, ни оставаться в Ацере навсегда он не намерен. Бабушка говорила, что Солус обращался с ней, как с королевой. Приглашал на прогулки в парк, угощал пирожными и даже подарил красивый шелковый шарф, который она потом берегла всю свою жизнь. Их отношения были очень целомудренными и дальше поцелуев в щеку не заходили. А потом Солус уехал. Бабушка какое-то время страдала, затем успокоилась, вышла замуж за моего деда, родила детей... Но забыть свою первую любовь так и не смогла. Шесть лет назад по округе прошла новость, что в Ацер снова приехал хозяин – Эдуард, внук Эриха Солуса. Бабуле очень захотелось на него посмотреть. Знаете, София, она буквально загорелась этой идеей. Наверное, надеялась расспросить барона о его дедушке. Я долго думала, как это можно устроить. А Эдуард вдруг приехал в Хоску сам. Не знаю, что именно ему здесь понадобилось. Наверное, услуги наших каменщиков, ведь замок постоянно находится в состоянии ремонта. Мы столкнулись на улице. Я вела бабушку в магазин, чтобы купить ей новые туфли, а Солус вышел из-за угла и прошел мимо нас. Увидев его, бабуля сначала встrepенулась, а потом, когда он подошел ближе, побледнела, схватилась за сердце и едва не упала в обморок. Знаете, в тот момент я испугалась, что она попросту умрет. Когда же бабушка пришла в себя, она потребовала немедленно отвезти ее в храм и о чем-то долго молилась перед алтарем. Несколько дней я пыталась узнать, что именно произошло, но бабуля отказывалась отвечать на мои вопросы, только плакала и качала головой. А когда собралась с силами, рассказала потрясающую вещь. По ее мнению, Эдуард Солус на самом деле не является родственником Эриха. Знаете, почему? Потому что Эдуард и Эрих – это один и тот же человек.

Мне показалось, что я ослышалась.

– Простите, что?..

– О, я тоже удивилась, – усмехнулась Руфина. – Бабуля заявила, что, увидев Эдуарда, поначалу поразились тому, как сильно он похож на своего деда. А потом, когда барон подошел ближе, обратила внимание на его шею.

– А что с его шеей?

– На ней есть длинный белесый шрам, похожий на след от острого кривого ножа. По словам бабушки, у ее возлюбленного была точно такая же отметина, причем, на том же самом месте. Именно по ней она его и узнала. Я, конечно, ей не поверила. И не верила до тех пор,

пока не устроилась в Ацер на работу и не увидела портрет Эдуарда Солуса – того самого, который жил в замке двести лет назад. Помните, я говорила, что они с нынешним Эдуардом необыкновенно похожи?

– Помню.

– У нарисованного барона на шее есть длинный шрам. Он отчетливо виднеется из-под ткани его камзола. Точно такой же шрам, как у нынешнего хозяина Ацера. На том же самом месте. Если с фамильным сходством все понятно – гены играют с людьми и не такие шутки, то объяснить наличие фамильного увечья я не в силах. Сомневаюсь, что у Солусов есть обычай резать себе шею кривым ножом, чтобы быть максимально похожим на своих предков.

Я остановилась и внимательно посмотрела на свою собеседницу.

– Вы говорили об этом с Эдуардом?

– Нет, – усмехнулась Руфина. – Я не решилась. А картина вдруг чудесным образом отправилась на реставрацию и находится там уже несколько лет.

– А ваша бабушка?..

– Умерла через два месяца после встречи с нашим бароном. От сердечного приступа.

Та-ак.

– И какой же вы делаете из всего этого вывод?

Она покачала головой.

– Я не делаю никакого вывода, София. Потому что боюсь прослыть сумасшедшей. Но я стараюсь по мере возможности наблюдать за Эдуардом и прислушиваюсь ко всем сплетням, которые касаются Ацера и его хозяина. Со стороны Солус кажется приличным человеком, но я не доверяю ему, госпожа Корлок. И советую вам быть начеку. Минимизируйте свое общение с ним, а лучше вовсе уезжайте из замка.

– Почему вы все это мне рассказываете, Руфина?

– Потому что Солус вами заинтересовался. Договариваясь со мной о вашем участии в экскурсии, он улыбался, а его глаза блестели, как звезды. Вы нравитесь ему, София, и меня это беспокоит. У Эдуарда нет ни жены, ни любовницы. Его расположения добивались многие девицы, но ни одна из них ему не приглянулась. Я боюсь за вас, София.

Я смотрела на нее и не знала, что ответить. Положение спас подъехавший автобус. Пробормотав, что мне нужно спешить, я торопливо нырнула в его теплый салон. Руфина осталась стоять на месте. Когда автобус тронулся с места, она помахала рукой и что-то сказала. Наблюдая за движениями ее губ, я прочла: «Будь осторожна».

Разговор с госпожой Дире не шел у меня из головы весь оставшийся день. Я обдумывала его по пути в замок, потом во время обеда и даже в перерывах между прослушиванием диктофонной записи. И пришла к выводу, что все подозрения Руфины – полнейшая ерунда. Если это вообще подозрения, а не банальное желание опорочить своего работодателя. Тут надо признаться – к выбору порочащей информации госпожа гид подошла креативно. Даже слишком креативно. В самом деле, было бы гораздо понятнее, если б она пустила слух, что Солус – наркоман, маньяк или даже сутенер.

Из ее же рассказа выходит, что барон... Кто? Ходячий мертвец? Или неизвестное науке существо, способное жить столетиями?

Смешно. И глупо. Как можно надеяться, что в век интернета, роботов и мобильных телефонов кто-то поверит в подобную мистику? В самом деле, если я собираю сказки, это вовсе не значит, что мне можно вешать на уши любую лапшу.

Если же представить, что Руфина не пыталась меня обмануть и действительно говорила то, о чем думала, становится уже не смешно, а грустно, ибо данная ситуация дает четкое пред-

ставление об ее умении делать выводы. Впрочем, с этим самым умением у многих людей настоящая беда.

Помнится, жила по соседству с моей бабушкой женщина – одинокая и нелюдимая. Она ходила, пошатываясь, имела красное обрюзгшее лицо, и от нее время от времени пахло не то спиртом, не то ацетоном. Вся улица считала ее пьяницей. И хотя никто из соседей ни разу не видел, чтобы она пила спиртное или хотя бы его покупала, в ее алкоголизме были уверены все. Потом же оказалось, что никакой зависимости у дамы нет. Зато есть целый букет болезней, вроде сахарного диабета, гипертонии и каких-то серьезных проблем с почками. Все это прекрасно объяснило и запах, и головокружения и весь ее внешний вид.

Или взять жуткий случай, который произошел пару лет назад в одной из деревень на севере страны. Местные жители едва не забили до смерти старика, которого из-за тяжелого характера и умения разбираться в лекарственных травах считали колдуном. Причиной же вопиющей агрессии стал волк, случайно забредший в поселок. Испугавшиеся люди пробили зверю голову, и тот, истекая кровью, бросился в сторону избышки вредного старика – она стояла у самого леса, и волк посчитал, что добраться до родных деревьев удобнее именно этим путем. Селяне же отчего-то решили, будто лесной гость – оборотень, и пошли брать избышку неугодного соседа штурмом. И надо же было такому случиться, что именно в этот день старик уронил себе на голову горшок с каким-то комнатным цветком, а потому вышел встречать разгневанную толпу с забинтованной головой и следами крови на лице...

Я допускаю, что Руфина Дире, выросшая в суровом туманном краю на сказках о колдунах и вампирах, могла пойти на поводу у местных суеверий и соотнести с хозяином старинного замка образ некоего мистического существа. Но, как человек здравомыслящий, она должна была понимать, что это не более, чем разгул воображения.

Ну правда, любая даже самая загадочная ситуация имеет простое объяснение.

У господина барона есть на шее шрам? В этом нет ничего особенного – шрамы есть у всех, в том числе у меня.

У его деда тоже имелась такая отметина? А это уже не факт. Бабушка госпожи Дире была дамой в возрасте и наверняка что-нибудь перепутала. Старики часто соотносят друг с другом события или людей, которые на самом деле никак не связаны.

Что же касается портрета, то это и вовсе не аргумент. Картина могла быть поцарапанной, выцветшей или покрытой трещинами. Она много лет провисела в холодном и, возможно, сыром помещении. За это время у изображенного на ней человека мог появиться не только «шрам», но и «рог» и даже «хвост». Реставрация же – дело долгое и дорогое. Нет ничего удивительного в том, что некоторые произведения искусства задерживаются в мастерских на годы. Если портрет барона был поврежден, туристы увидят его еще не скоро.

Я закрыла ноутбук, отложила в сторону диктофон. С расшифровкой записи было покончено, но садиться за ее первичную обработку я не спешила – впереди был ужин, да и голова после нескольких часов непрерывной работы настойчиво требовала пощады.

На улице потемнело, начал накрапывать дождь.

Я подошла к окну. Его стекло было покрыто редкими бусинками воды, сквозь которые просматривался находившийся в отдалении лес, каменная стена замковой ограды и кусочек газона с удивительно зеленой для этого времени года травой.

А еще там был Эдуард. Он стоял на одной из дорожек в полурасстегнутом пальто, без зонта и, не обращая внимания на усиливающийся дождь, общался с кем-то по мобильному телефону. Разговор явно не доставлял барону удовольствия. Солус казался расслабленным, однако его лицо было непроницаемым, губы – плотно сжатыми, взгляд – прямым и каким-то хищно-равнодушным. Он отвечал собеседнику коротко и выглядел при этом настолько холодным и надменным, что мне стало не по себе. Перед глазами снова встал образ аристократа в черном камзоле – лошеного, жесткого, совершенно не похожего на внимательного и заботли-

вого Эдуарда. Мелькнула быстрая мысль, что сейчас, наедине с собой, Солус настоящий, такой, каким является на самом деле.

По спине тут же побежали мурашки.

А барон вдруг поднял голову и посмотрел на мое окно. Его лицо мгновенно смягчилось, а на точеных губах появилась мягкая улыбка. В комнате не горел свет, и я не была уверена, что Эдуард сумел разглядеть в наступающих сумерках мое лицо, однако все равно улыбнулась в ответ и помахала ему рукой.

Он склонил голову, после чего сбросил вызов и быстрыми шагами направился к замку.

Я взглянула на часы. Семнадцать ноль-ноль – время ужина.

К тому моменту, как я спустилась в столовую, Солус уже сидел на своем месте. Его волосы были влажными от дождя, а кожа казалась бледнее, чем обычно. Усаживаясь за стол, я нарочно обратила внимание на его шею, однако ничего интересного не увидела – на бароне был свитер с высоким горлом.

К трапезе Эдуард приступил вместе со мной. Есть, как обычно, не стал, зато с явным аппетитом потягивал чай, терпко пахнувший травами.

– Вы сегодня уезжали из замка, София, – заметил Солус, глядя, как я уплетаю рисовую кашу.

– Я была в Хоске, – кивнула в ответ. – Госпожа Дире познакомила меня с тремя чудесными сказительницами. Знаете, они устроили для нас целое представление!

Обрадованная возможностью поделиться впечатлениями от поездки, я почти десять минут пересказывала Эдуарду подробности беседы с госпожой Мотти и ее подругами, не забыв упомянуть о приглашении на грядущее торжество.

– Радож действительно стоит увидеть, – согласился барон, когда мой рассказ подошел к концу. – Он предполагает не только песни и угощения, но и красивые ритуалы – древние, полуязыческие. Думаю, вам будет интересно на них взглянуть.

О, я в этом не сомневаюсь.

– В наших краях проводится много праздников, – продолжал Эдуард. – Причем, не только народных. Например, в первых числах декабря в Бадене обычно организуют бал-маскарад, на который могут прийти все желающие – по составленным заранее заявкам.

– Как интересно, – улыбнулась я. – В этом году он тоже состоится?

– Да, – на лице барона тоже появилась улыбка. – Только он пройдет не в городе, а здесь, в замке.

– В замке? – удивилась я. – Тут есть помещение для танцев?

– Конечно, – кивнул мужчина. – В Ацере имеется большой зал, где проходили балы и торжественные приемы. Летом его отреставрировали, и он готов к визиту гостей.

– Там, наверное, ужасно холодно.

– Да, там свежо. Но это поправимо. Честно говоря, температура воздуха – это ерунда. Недавно выяснилось, что с организацией сего мероприятия связано множество других вопросов, разрешить которые гораздо сложнее. Впрочем, это тоже не важно, праздник в любом случае состоится. Кстати, София. Завтра суббота. Вы не передумали насчет поездки в Баден?

– Нет, не передумала.

– Хорошо. В таком случае, предлагаю отправиться в город после завтрака. Когда мы приедем, будет уже светло, и вы сможете увидеть его во всей красе. Утром обещают ясную погоду, и этим нужно воспользоваться.

Солус улыбнулся, а мне снова подумалось, что странные подозрения Руфины Дире – не более, чем глупость. Или неудачная шутка. Или суеверный бред.

Действительно – если у этого мужчины и есть какая-то тайна, вряд ли она связана с нетипичным долголетием. А если и связана, мое ли это дело? Каждый человек имеет право на личную жизнь и личные секреты. По крайней мере, до тех пор, пока эти секреты не мешают спо-

койной жизни других людей. Мне секреты Солуса не мешают, а потому пусть барон хранит их на здоровье.

Мы приехали в Баден в девять часов утра.

После завтрака мне понадобилось немного времени, чтобы упаковать в сумку ноутбук, сменить джинсы на длинное вязаное платье и слегка освежить губы помадой – учитывая, что наша прогулка была почти свиданием, я все-таки решила принарядиться.

Когда я вышла на улицу, Эдуард уже выгнал из гаража свой автомобиль – высокий кроссовер темно-шоколадного цвета – и терпеливо ждал меня у замковых ворот.

– Чтобы бы вы хотели увидеть в первую очередь, София? – спросил Солус, когда мы тронулись в путь.

– Какое-нибудь место, где есть интернет, – честно ответила я. – Нужно отправить брату фотографии чертежей.

– В «Орионе» для посетителей предусмотрен бесплатный wi-fi, – заметил барон. – Но туда лучше заглянуть в обед. Сытым у господ Мун делать нечего, к ним нужно приходиться изрядно проголодавшись.

– Хорошо, – согласилась я. – В таком случае, давайте сначала посмотрим старинную церковь.

Эдуард кивнул, и остаток пути мы болтали о разных пустяках. Общаться с Солусом оказалось легко и приятно. Так, на мой осторожный вопрос о его техническом прошлом, он разразился длинным монологом о поездах, их модификациях и промышленных испытаниях. Транспорт барон явно любил и так хорошо в нем разбирался, что я не просто поняла все, о чем он мне рассказывал, но и от души посмеялась, ибо шуток и забавных железнодорожных историй господин Солус знал в избытке.

После разговора о технике мы перешли на столичную жизнь, и теперь уже я вещала ему о смешных ситуациях, произошедших со мной. В процессе беседы выяснилось, что перед отъездом за границу Эдуард несколько лет жил в нашей первопрестольной, а потому количество тем для обсуждения у нас увеличилось в разы.

Когда шоколадный кроссовер остановился на крошечной парковке у баденского храма, я невольно поймала себя на мысли, что мне жаль прерывать разговор, и после осмотра местных достопримечательностей его непременно надо продолжить.

– Церковная служба еще идет, – заметил Эдуард, когда мы вышли из машины. – Знаете, София, я, пожалуй, внутрь не пойду. Подожду вас на улице.

– Почему? – удивилась я.

– Не люблю священнослужителей и абсолютно не понимаю их песнопений и ритуалов.

– Вы атеист?

– Скорее разочаровавшийся. Моя жизнь идет в разрез с тем, о чем говорится в религиозных текстах, а потому я предпочитаю смотреть на церковь со стороны.

– Тогда, быть может, мне тоже не стоит туда заходить?

– Отнюдь. В этом храме есть чудесный витраж, и вам, как любителю искусства, он наверняка будет интересен. Идите, София. И не торопитесь. Я буду ждать столько, сколько нужно.

Я бросила взгляд на баденскую церквушку – небольшую, воздушную, с ажурными окнами и темными фигурами ангелов в полукруглых нишах, а потом на своего спутника. И вдруг подумала, что сегодня впервые вижу его при свете солнца. Эдуард улыбался, однако был бледен, черты его лица казались заострившимися, а идеальные губы – болезненно сухими. Тут же вспомнились слова барона о болезни, заставляющей его соблюдать диету и питаться в строго отведенное время.

Что ж, не хочет идти внутрь, и не надо. Мой покойный дед тоже храмы не любил. Говорил, что ему там душно и не нравится запах дыма, которым священники окуривают иконы и алтарь. Я кивнула и, оставив Солуса на скамейке рядом с парковкой, пошла в церковь.

Служба подходила к концу. Священник стоял у алтаря и читал последние молитвы перед проповедью. Неподалеку от него на длинных узких лавках сидели прихожане.

Я тоже присела на лавку, самую дальнюю, стоявшую у стены, и с любопытством огляделась по сторонам.

Внутреннее убранство храма мало отличалось от обстановки других провинциальных церквей: белые стены с ликами святых, высокие подсвечники, расположенные в специальных нишах, скамейки для богомольцев, широкая площадка для хора... А еще чистый дощатый пол, на котором сейчас плясали блики – красные, зеленые, оранжевые, синие.

Я подняла голову и ахнула. Наверху, под самой крышей, сверкал в лучах ноябрьского солнца ангел, искусно сложенный из кусочков разноцветного стекла. Его длинные одежды ниспадали вниз крупными складками, огромные белоснежные крылья были раскрыты, словно небесный хранитель только что взмыл в воздух и теперь несется в небесную высь. Глаза ангела, не голубые – медовые, сияли волшебными огнями, а на точеных губах играла ласковая улыбка.

У меня закружилась голова. Я смотрела на витраж и отчетливо видела в нем знакомые черты.

Служба закончилась, а я по-прежнему сидела у стены, не в силах оторвать взгляд от искусной работы неизвестного мастера, увековечившего в своей стеклянной картине образ давно почившего человека.

Когда солнце скрылось за облако, и ангел перестал светиться изнутри, я все-таки встала и вышла на улицу.

Эдуард по-прежнему сидел на скамейке и смотрел вдаль.

– Вы видели ее? – спросил он, когда я опустилась рядом с ним.

– Аннабель Солус? Видела, – тихо произнесла я. – Она прекрасна.

– Эта церковь была построена три столетия назад, – сказал барон. – В ней крестили и венчали несколько поколений моей семьи. Во время эпидемии холеры здесь размещался госпиталь. А когда болезнь отступила, какой-то умник устроил тут пожар. Очевидно, он решил, что таким образом избавит Баден от последних следов инфекции. Храм восстанавливали всем миром. Тот витраж заказал мой предок – в память о погибшей семье.

– Эдуард?

– Да. Он смог приехать в Ацер только после того, как закончилась эпидемия. К этому моменту все его родные покоились в семейной усыпальнице. По сестре барон скорбел больше других, поэтому у ангела ее лицо.

Почти минуту мы сидели молча.

– Идемте дальше? – предложил Солус, вставая со скамейки. – На соседней улице находится здание городской мэрии. То самое, которое является памятником архитектуры. Вам обязательно надо его увидеть.

...Мы гуляли по городу несколько часов. Как и Хоска, Баден мне очень понравился. Этот чистый ухоженный городок будто бы сошел со страниц старинной сказки. Его узкие и извилистые улицы сходились к широким просторным площадям, коих я насчитала целых три штуки: главной, где находилась баденская мэрия, базарной, на которой каждые три месяца проходили ярмарки, и балаганной, расположенной возле местного театра.

Учитывая, что одним из источников городских доходов, был туризм, исторический центр пестрел небольшими кафе и сувенирными магазинами, где продавалось все, что могло заинтересовать приезжих, – от пластмассовых магнитиков с изображением Ацера и туманных болот до деревянной посуды и жилетов из овечьей шерсти. Дух старины чувствовался в этом месте так четко, что его, казалось, можно было потрогать руками.

Жилые дома в старой части Бадена были преимущественно двухэтажными, рассчитанными на одну-две семьи, и со стороны казались очень уютными. По словам Солуса, в городе также имелись новые районы – там стояли не только частные дома, но и многоквартирные, достигавшие четырех-шести этажей.

Эдуард оказался отличным экскурсоводом. У него была припасена интересная история едва ли не о каждом строении, встречавшемся на нашем пути.

– Видите этот дом, София, – с красной черепичной крышей? – говорил он. – Несколько лет назад его хозяева решили отремонтировать крыльцо, и нашли в земле под порогом фрагменты человеческих костей. Очень испугались, вызвали полицию. А потом выяснилось, что кости принадлежат одному из членов их семьи, который умер давным-давно, причем, естественной смертью.

– Его похоронили прямо у дома?

– Да. В наших краях был такой древний языческий обычай – считалось, что, если зарыть под порогом мертвеца, его дух будет охранять жилище. В дом, который стережет покойник, не могла пробраться нечистая сила – ведьмы, оборотни, вурдалаки.

– А вампиры?

– Вампиры могли, но только спросив разрешения. Трижды. К слову сказать, именно отсюда пошло поверье, что через порог нельзя здороваться и передавать вещи...

В «Орион» мы явились, когда часы на моем мобильном телефоне показывали второй час дня. Привыкшая обедать в полдень, я была голодна, как волк, а потому предложение Солуса навестить чету Мун, восприняла с большим воодушевлением.

Заведение Аники и ее мужа Николаса оказалось большим двухэтажным зданием. Нижний этаж был приспособлен под ресторан, а верхний – непосредственно под гостиницу. В «Орионе» явно ждали нашего прибытия, ибо стоило переступить порог, как навстречу тут же вышел его хозяин – невысокий плотный мужчина с пышными усами и хитрыми голубыми глазками.

Нас проводили к столу, и спустя несколько минут Николас лично принес обед – блюдо с салатом и свиными ребрышками для меня и высокий картонный стакан с крышечкой и соломинкой для Эдуарда. Похоже, в отличие от жены, господин Мун хорошо знал гастрономические предпочтения своего родовитого клиента.

Солус набросился на свой напиток с той же жадностью, с которой я набросилась на мясо. Его стакан опустел в течение нескольких секунд, после чего на столе перед ним, как по волшебству, появилась чашка, знакомо пахнущая травами.

На щеках барона появился легкий румянец. Он слегка поддернул рукава своего свитера, а потом отвернул вниз его высокий ворот. Мой взгляд тут же метнулся к мужской шее. Вернее, к белому полукруглому шраму, обнажившемуся в этот момент.

Волосы Эдуарда были привычно собраны в хвост, поэтому «фамильное увечье» оказалось видно во всей красе.

Шрам был длинным и узким. Судя по всему, Солус обзавелся им много лет назад, ибо он почти сливался с его бледной кожей и бросался в глаза только в том случае, если его намеренно хотели увидеть. У меня создалось впечатление, что когда-то давно на барона было совершено нападение. Нападавший будто бы пытался перерезать Эдуарду горло ножом, но почему-то полоснул его не спереди, а сбоку – от плеча до середины шеи. Рана явно оказалась глубокой, и медикам пришлось наложить на нее немало швов – об этом говорили мелкие рубцы, пересекавшие белую полоску от начала до конца.

Я отвела взгляд, пока Солус не заметил моего интереса, и принялась есть дальше.

– Как вам Баден, София? – поинтересовался барон, когда мне принесли чай.

– Потрясающе, – с чувством ответила я. – Это была самая лучшая прогулка в нынешнем году. И, знаете, Эдуард, вы не правы. Баден в ноябре не уныл, а прекрасен. Представляю, как здесь станет здорово, когда наступит зима, и улицы укроет снегом.

– Да, это будет сказка, – улыбнулся Солус. – Однако вы, кажется, хотели отправить брату фотографии. Сейчас самое время это сделать.

– Я оставила свой ноутбук в вашей машине.

– Верно, – кивнул он. – Сейчас я его принесу.

Эдуард встал, поправил ворот свитера и пошел к выходу. Я дождалась, когда он покинет зал, и, повинувшись неясному порыву, схватила пустой картонный стакан, который официант почему-то забыл унести с нашего стола. Вынула соломинку и, открыв крышку, понюхала его бумажные стенки. Нос щекотнул странный запах – тонкий, неприятный, отдающий чем-то металлическим. Он был мне смутно знаком, однако определить, что именно пил мой спутник, я не смогла. Узнать напиток по цвету тоже оказалось невозможно – Эдуард высосал его до капли, а темные разводы, оставшиеся на стенках и дне, ни о чем конкретном не говорили.

Я накрыла стакан крышкой и поставила его на место.

Похоже, Руфина Дире все-таки заронила в мою душу некое сомнение, касающееся господина барона. Иначе с чего бы мне интересоваться его питанием и исследовать его грязную посуду?

Глупо. И немного стыдно.

Впрочем, надо признаться: флер таинственности, окружающий хозяина Ацера, здорово возбуждает любопытство, и с каждым днем оно становится все сильнее и сильнее.

Быстрее бы Эдуард принес компьютер. Надо заняться делом – пока мне снова не пришлось в голову сунуть нос в чужие дела...

К работе с чертежами я вернулась только во вторник. Рассудив, что после недели упорного труда, у меня есть право на полноценный отдых, я все выходные предавалась чудесному ничегонеделанию в компании господина Солуса.

В субботу мы вернулись в замок к ужину. После трапезы в «Орионе» еще некоторое время бродили по улицам, затем заглянули в музей природы («Там работает талантливый таксидермист, и вы непременно должны увидеть его работы»), а потом прогулялись по местному парку. Узнав, что я хочу купить что-нибудь на память, Эдуард решительно повел меня на рынок («Сувенирные магазины? Не советую. Там вы заплатите втридорога даже за самую примитивную безделушку. Наши торговцы так привыкли к богатым туристам, что потеряли остатки совести»). Тот оказался большим кирпичным павильоном, старинным, как и все здания в этой части города. Внутри него обнаружили торговые ряды, на которых продавалось все – от свежих овощей до рукодельных украшений и все тех же пластмассовых магнитиков.

При виде этого великолепия у меня разбежались глаза, а от цифр, написанных цветными фломастерами на ценниках, и без того прекрасное настроение стало на порядок лучше.

Внимательно приглядевшись к ассортименту на прилавках, я купила ворох теплых вещей, которые наверняка пригодятся в холодных комнатах Ацера – шарф, две пары носков, вязаную юбку и чудесный кардиган.

Пока выбирала обновки, Эдуард прогуливался между соседними рядами, а когда мы, наконец, вышли на улицу, протянул мне небольшой бумажный пакетик.

– Вы так и не купили себе безделушку, – заметил барон. – Поэтому я взял на себя смелость выбрать ее сам.

Я запустила руку в пакет и вынула из него подвеску – прикрепленный к витому шнурку овал, прозрачный, как слеза, внутри которого был заключен крошечный бутон какого-то красного цветка.

– Очень красиво, – улыбнулась я.

– Это подарок, – Солус улыбнулся в ответ. – На память о чудесной прогулке.

Вечер субботы мы с бароном тоже провели вместе – после ужина перешли в гостиную и до самой ночи говорили о разных пустяках, шутили и смеялись.

В воскресенье я встала с кровати с твердым намерением заняться черновиком своей научной работы, однако после завтрака решила отложить его на потом – сразу после того, как Эдуард предложил полюбоваться на чудесный вид, открывающийся с боковой башенки Ацера.

Мы поднялись туда по узкой лестнице, неожиданно обнаружившейся слева от перехода, по которому я каждый день ходила в замковую библиотеку. Долго стояли на крошечном балконе, едва соприкасаясь рукавами курток, и молча смотрели, как солнечные лучи, запутавшись в складках тумана, освещают уходящий за горизонт лес.

– Что это за здание? – спросила я у барона, кивнув на прямоугольную постройку с едва различимыми каменными барельефами, видневшуюся из-за замковой ограды.

– Семейная усыпальница Солусов, – ответил он. – Рядом с ней раньше было кладбище, но теперь от него мало что осталось.

– Можно мне посмотреть на нее поближе?

– На усыпальницу?

– Да.

Эдуард бросил на меня удивленный взгляд. Потом пожал плечами.

– Если вы этого хотите – пожалуйста.

На улице туман оказался не столь густым, как виделся с высоты, однако все равно возникло впечатление, что мы погрузились в него с головой и теперь рассекаем дымку, как воды огромного призрачного озера. Барон любезно предложил мне руку, и я без возражений взяла его под локоть.

Разговаривать почему-то не хотелось. Мы неторопливо шли по влажным дорожкам, и окружающая тишина была такой комфортной и уютной, что ее хотелось длить до бесконечности.

Чтобы подойти к склепу, нам пришлось миновать широкую скрипучую калитку и узкую тропинку, покрытую толстым слоем опавшей листвы. Судя по всему, беспокоить покойных баронов в Ацере было не принято, – ни уборщики, ни собственный наследник их последнее пристанище явно не посещали.

Когда-то эта постройка была покрыта причудливой каменной резьбой, однако сейчас траурная красота оказалась скрыта под слоем мха и мелких веток, а скорбящий ангел на крыше выглядел так, будто вот-вот развалится на куски. Вход в усыпальницу был закрыт деревянной дверью, которой не давал открываться большой металлический засов.

Эдуард с явным усилием вытащил его из пазов и распахнул передо мной тяжелую створку. Из склепа тут же дохнуло холодным затхлым воздухом.

Внутри оказалось на удивление чисто. Видимо, время от времени уборщики все-таки сюда заглядывали: в углах не было и намека на паутину, а каменные саркофаги выглядели целыми и почти не пыльными.

Я зачем-то их пересчитала. Гробов было шесть штук. Наверное, вместе с Солусами тут были похоронены еще какие-то родственники.

– Здесь покоятся барон и баронесса, – Эдуард указал на самую большую гробницу. – Слева от них – Антуан, а у стены – Аннабель. Те два саркофага тоже парные, там лежат родители старого барона и его дед с бабушкой.

– А в последнем?

– А последний пуст. В нем должны были похоронить Эдуарда, но этого не случилось.

– Где же находится его могила?

Солус ответил не сразу.

– Не знаю, – сказал он. – Его следы так затерялись, что я не уверен, есть ли она у него вообще.

Мы провели в усыпальнице несколько минут, после чего мужчина предложил прогуляться еще. Я снова взяла его под руку, и мы больше часа неторопливо бродили вокруг замка.

Обедали тоже вместе – впервые с момента моего приезда в Ацер. Уплетая куриную отбивную с жареным картофелем, я думала о том, насколько верными оказались предположения Аники Мун, уверенной, что, отказываясь от еды «Ориона», Эдуард питается какой-нибудь гадостью. Барон ел овсянку – собственноручно сваренную на воде и выглядевшую, мягко говоря, неаппетитно. На предложение помочь с приготовлением пищи Солус ответил вежливым отказом, однако у меня создалось четкое впечатление, что с кулинарией хозяин Ацера все-таки не дружит. Ко всему прочему, его порция была так мала, что вряд ли могла насытить взрослого человека.

Во время трапезы Солус молча жевал свою серую склизкую кашу и о чем-то размышлял.

– София, у вас есть братья или сестры? – спросил он, когда я принялась за чай.

– Есть, – кивнула я. – И братья, и сестры. Много – целая толпа. Правда, они не родные, а двоюродные и троюродные.

– И вы со всеми поддерживаете отношения?

– Конечно. Мы часто созваниваемся и собираемся на семейных праздниках. А у вас есть какие-нибудь родственники, Эдуард?

Он покачал головой.

– Нет. Близкие умерли очень давно, а с побочной ветвью рода я никогда не был знаком. Возможно, там тоже никого не осталось.

Барон отвечал спокойно и равнодушно, однако мне стало его жаль. Печальная судьба – быть окруженным призраками и не иметь поблизости ни одной живой души. Возможно, у Солуса есть приятели, однако при мне он ни разу о них не упоминал. О коллегах рассказывал много, о друзьях – ничего.

– Это очень грустно, – тихо сказала я. – Когда остаешься совсем один.

Эдуард пожал плечами.

– Вовсе нет. Одиночество – такое же обычное состояние, как и любое другое. Вопрос в том, как к нему относится человек. Кого-то оно тяготит, кого-то сводит с ума, а кого-то устраивает. Я отношу себя к последним.

– Вам нравится быть одному?

– Один я бываю крайне редко, – усмехнулся Солус. – Меня постоянно окружают люди. Даже здесь, в глуши. Мы живем в социуме, поэтому одиночество, как таковое, попросту невозможно. Оно у нас в голове, София. Можно иметь большую семью и чувствовать себя жителем пустыни, а можно находиться в пустыне и ощущать себя в лоне большой семьи.

– Верно, – кивнула я. – Но ведь социум – это случайные люди. Они оставляют в жизни человека лишь пару следов. Тем не менее, среди них есть такие, которые отличаются от остальных. Они не утомляют своим присутствием, и мы всегда рады их видеть. Мы их любим, и они любят нас. Если таких людей рядом нет, жизнь становится безрадостной.

– Люди, даже самые близкие, имеют привычку уходить, – взгляд Эдуарда стал очень серьезным. – Переезд, ссора, смерть – причина не имеет значения. В какой-то момент человек просто остается один. С этим ничего нельзя поделать, а значит, это нормально. Я не делю людей на группы, София. Для меня они все одинаково близкие и далекие. Я научился легко впускать их в свою жизнь и так же легко отпускать. Вы считаете меня одиноким, верно? Быть может, даже немного страдаете. Поверьте, этого делать не нужно. Я не одинокий, София. Я свободный. В моей жизни есть все, что я хочу, и нет ничего, что связывало бы мне руки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.